

Легенды ирокезов

Уильям Уокер Кэнфилд

The Legends of the Iroquois

TOLD BY "THE CORNPLANTER"

WILLIAM W. CANFIELD

Содержание

[Легенды ирокезов](#)

[Содержание](#)

[Об индейских легендах](#)

[О ЛЕГЕНДАХ ИНДЕЙЦЕВ](#)

[Авторитет](#)

[Легенды](#)

[КОНФЕДЕРАЦИЯ ИРОКЕЗОВ](#)

[РОЖДЕНИЕ АРБУТУСА](#)

[ЛЕГЕНДА О РЕЧКЕ](#)

[ЛЕГЕНДЫ О КУКУРУЗЕ](#)

[ПЕРВАЯ ЗИМА](#)

[ВЕЛИКИЙ КОМАР](#)

[ИСТОРИЯ ОНИАТЫ](#)

[ЗЕРКАЛО В ВОДЕ](#)

[ПОКРЫВАЛО КАНЮКА](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФИОЛЕТОВОГО ЦВЕТА](#)

[КЛАН ЧЕРЕПАХ](#)

[ЦЕЛЕБНЫЕ ВОДЫ](#)

[ЖЕРТВА АЛИКИПИСО](#)

[ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ НЕ ГОВОРЯТ](#)

[ПОСЛАНЦЫ](#)

[ПОДАРОК МУДРОГО САЧЕМА](#)

[ЛЕТАЮЩАЯ ГОЛОВА](#)

[ЯСЕНЬ](#)

[ОХОТНИК](#)

[ХИАВАТА](#)

[МИРОТВОРЕЦ](#)

[НЕЗАПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ](#)

[Фольклорные мотивы](#)

[Счастливые охотничьи уголья](#)

[Священный камень онейдов](#)

[Примечания к легендам](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга Легенды ирокезов

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Легенды ирокезов

Составитель: Уильям Уокер Кэнфилд

Дата выпуска: 3 ноября 2018 г. [электронная книга № 58228]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Томом Космасом

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЛЕГЕНДЫ ИРОКЕЗОВ» ***

Это одно из 500 экземпляров, напечатанных в октябре 1902 г., номер

Легенды ирокезов

Нажмите на изображение, чтобы увеличить его.

Легенды ирокезов **РАССКАЗАННЫЕ «КУКУРУЗНЫМ СЕЯТЕЛЕМ»**

Из авторитетных заметок и исследований

УИЛЬЯМА В. КАНФИЛДА

Йорк
A. Wessels Company
МСМII

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1902 А. Весселс Компани
Нью-Йорк

(Опубликовано в октябре 1902 г.)

Содержание

Об индейских легендах	<u>9</u>
Авторитет	<u>15</u>
Конфедерация ирокезов	<u>23</u>

Рождение Арбутуса	41
Легенда о реке	47
Легенды о кукурузе	51
Первая зима	55
Великий комар	59
История Ониаты	63
Зеркало в воде	73
Покрывало канюка	77
Происхождение фиалки	81
Клан черепах	85
Целебные воды	89
Жертвоприношение Аликиписо	99
Почему животные не разговаривают	103
Посланники	119
Подарок мудрого вождя	123
Летающая голова	125
Ясень	127
Охотник	129
Гиавата	137
Миротворец	149
Непрошенный гость	155

Фольклорные мотивы	161
Счастливые охотничьи угодья	169
Священный камень онейдов	187
Примечания к легендам	197

Об индейских легендах

О ИНДЕЙСКИХ ЛЕГЕНДАХ

Индейцы не строили памятников и не писали книг. Единственными записями, которые они делали, были рисунки, известные в последующие годы как *вампум*, которые были простыми символами, записывающими военные подвиги. Следовательно, все, что известно о них до прихода европейцев в Америку, является традиционным или предположительным. Ни одна страница их истории не была написана никем, кроме их врагов, и история, написанная таким образом, настолько искажена и испорчена предрассудками, что большая ее часть вводит в заблуждение.

В жилах краснокожих на протяжении тысячи поколений текла дикая поэзия и воображение охоты, погони, сражения, пленения, танца, лесов, долин, гор, ручьев, озер и рек; и все же они не достигли успехов в литературе или искусстве. Странно ли поэтому, что они с большим почтением относились к традициям и легендам, распространенным в их племенах, почитая их так же, как ранние христиане почитали первые экземпляры священных писаний? Эти легенды пересказывались снова и снова на протяжении неизвестного количества лет. Они передавались от одного к другому, так же как неписанные труды масонства передавались путем частого и тщательного повторения. Они не были распространены как обычные истории, но повторялись с неким религиозным или сакраментальным духом, как будто эти рассказы придавали особую силу тем, кто узнал их из надежных источников; они считались такими же священными, как мы считаем священными сделки уважаемого тайного общества.

Легенды, общие для одного клана, были известны по всему континенту, где бы ни жили индейцы этого клана, и нет сомнений, что многие легенды *ирокезов* в той или иной форме можно найти среди легенд западных индейских племен современности. Однако традиции *ирокезов*, содержащиеся в данной книге, имеют, по достоверным данным, двести лет и, по всей уверенности, являются историями, рассказанными краснокожими тысячи лет назад.

Индейцы никогда не объясняли что-либо с помощью естественной философии. Каждое явление имело для них таинственную, сверхъестественную причину. Они не могли понять, как звук, отражаясь от препятствия, повторяется и образует эхо. Вместо этого они находили сверхъестественные причины этого явления, и, безусловно, очень красивые. Только абсурдность их идей может показаться некоторым, потому что в свете современных знаний они абсурдны, но, тем не менее, они прекрасны. Если бы наши предки проявили больше интереса к народам, которых они обнаружили на Западном континенте, и потратили меньше энергии на разработку планов по обману индейцев с целью отнять у них меха и земли — политику, которой их потомки строго следовали и в которой они преуспели — наши библиотеки могли бы содержать тома сказок, которые радовали бы молодежь многих поколений.

Не будет лишним попросить читателя помнить, что эти истории рассказывались в домах краснокожих много веков назад, задолго до того, как они переняли от белых жестокие, бессердечные, вероломные и мстительные черты, которые несправедливая история приписала им как естественные и неотъемлемые. Если это иметь в виду, то, как полагается, чтение и изучение этих историй доставит читателю столько же удовольствия, сколько

доставило автору изучение характера индейцев, необходимое для того, чтобы правильно облечь их почти забытые легенды чем-то вроде их первоначального украшения.

Авторитет

АВТОРИТЕТ

Целью данного издания не является подробное рассмотрение истории индейцев, а лишь представление некоторых легенд ирокезов. Однако читателю или студенту следует кратко рассказать об источнике, из которого были взяты представленные здесь фольклорные материалы, чтобы не осталось сомнений в их достоверности.

Через несколько лет после окончания войны за независимость один из пионеров западной части штата Нью-Йорк, который работал на Holland Land Company, познакомился и подружился с вождем племени сенека Корнплантером (Gy-ant-wah-chi или, как пишут некоторые авторитетные источники, Gar-yan-wah-ga). Дружба продолжалась до самой смерти обоих мужчин и отличалась сердечностью. В ходе общения они провели вместе много зим, и Корнплантер стал свободно рассказывать о своем народе, его прошлом, настоящем и будущем, и именно во время этих откровенных бесед индеец рассказал своему белому другу многие легенды ирокезов. К воспоминаниям Корнплантера () добавились знания по этому вопросу, которыми обладал его племянник (губернатор Блэкстейк), проживавший в той же резервации и в непосредственной близости, а также «другие старики и вожди этих индейцев». Легенды были сохранены в виде кратких заметок на пустых страницах некоторых дневников и полевых журналов гражданского инженера, которые белый человек привык вести; и эти наброски с полными устными пояснениями в конечном итоге попали в руки нынешнего автора. Около двадцати пяти лет назад была начата работа по их дальнейшей проверке с помощью опросов некоторых из самых умных индейцев в штате Нью-Йорк. Многие из опрошенных имели лишь неполное представление о легендах,

другие знали одну или несколько историй и, с помощью упомянутых выше набросков, смогли помочь в работе по их восстановлению. Среди тех, кто оказал наиболее ценную помощь, были Саймон Блэкчиф и его мать. Последней говорила только на индейском языке, и ее версия тех историй, которые она слышала в детстве, была переведена ее сыном. Ценную помощь оказали также вождь Джон Маунтплезант, Харрисон Халфтаун, Элиас Джонсон и Джон Кинджосити. Покойный Б. Джайлс Каслер, который в течение нескольких лет был индейским агентом США в штате Нью-Йорк (), сопровождал автора во время ряда посещений нескольких резерваций. Благодаря этой помощи и исследованиям, проведенным в благоприятных условиях бывшего проживания в непосредственной близости от резервации Аллегани, автор считает, что ему удалось приблизить эти легенды индейцев племени корнплан () к их первоначальной красоте. При их разработке было принято меры, чтобы не отходить от простоты и прямоты изложения, характерных для индейцев, и были сделаны только те добавления, которые казались оправданными. Всякий раз, когда основным источником легенды является не Корнплантер, этот факт упоминается в приложенных примечаниях.

Хотя Корнплантер был метисом, он был более глубоко знаком с традициями своего народа, чем любой другой современный вождь в племенах, составляющих ирокезов. Он родился в Коневангусе, на реке Дженеси, вероятно, в 1732 году, и умер на острове Корнплантер на реке Аллегани, в штате Пенсильвания, недалеко от границы с Нью-Йорком, 7 марта 1836 года, в возрасте ста четырех лет. Он был сыном Джона Абила (также пишется как О'Бейл), торговца среди индейцев. Его мать была индейской принцессой из клана Черепях.

С самого раннего детства Корнплантер испытывал явную ненависть к белым, вызванную, без сомнения, воспоминаниями о жестоком обращении, которому подвергалась его мать со стороны отца, который, по-видимому, взял в жены индианку, чтобы завоевать дружбу индейцев и таким образом обеспечить себе выгодные сделки в торговле. Ошибки истории заставили нас поверить, что любовь или уважение к матери были чувствами, почти чуждыми индейской расе. Однако эти чувства всегда существовали среди них в гораздо большей степени, чем мы готовы признать, хотя их уважение и любовь к женщинам и детям были больше до того, как их простая натура была притуплена и искажена порочными практиками вторгшихся европейцев.

Корнплантер провел свои ранние годы у костров совета и стал одним из самых знаменитых ораторов в Конфедерации шести наций. Он путешествовал от деревни к деревне и искал мудрости у мудрецов ирокезов. Именно в этот период своей жизни он слушал предания, которые передавались от вождя к вождю на протяжении трех столетий. Когда он приобрел репутацию бесстрашного и непревзойденного в своем племени мастера лесного дела, его единогласно избрали вождем сенеков, и он сразу же стал известен как лидер воинских отрядов этого племени, вступившего в союз с французами из племени могавенов () против англичан. Он присутствовал при поражении Брэддока и в течение долгого времени, совершая самые смелые и жестокие набеги на пограничные поселения, сеял разрушение в долине Мохок и в западной части штата Нью-Йорк. В то время он был непримиримым врагом всех белых людей, а имена Корнплантер, Брант и Красная Куртка были синонимами пленения, пыток и массовых убийств. Они были главными советниками и лидерами своего народа и боролись против всех попыток белых установить мир. В 1779 году, недалеко от устья реки Редбанк-Крик в Пенсильвании, Корнплантер с большой группой индейцев вступил в сражение с отрядом белых под командованием капитана Сэмюэля Брэди. Сражение закончилось победой белых, и многие индейцы были убиты или

ранены. Выжившие бежали к реке, разбухшей от весенних дождей, и бросились в ее течение. Немногим удалось перебраться на другой берег; один за другим они были смыты течением или утонули, пронзенные пулями людей Брэди. Корнплантер почти в одиночку достиг противоположного берега. С этого момента высокий дух смелого вождя начал колебаться, и он стал искать мира, заключив в 1791 году договор с «Великим вождем Тринадцати огней». Медаль и другие памятные вещи, подаренные ему Вашингтоном, до сих пор хранятся потомками вождя (). Ему было передано владение островом, носящим его имя, и с тех пор он посвятил себя земледелию и мирной жизни. В течение многих лет он преданно трудился, чтобы искоренить привычки нетрезвости, в которые впал его народ, и, как ни странно это может показаться, был первым лектором по вопросам трезвости в Соединенных Штатах. Он испытывал глубочайшее уважение к Вашингтону и несколько раз навещал его в Филадельфии.

Именно в последние двадцать лет жизни Корнплантера были вспомнены и рассказаны легенды, содержащиеся в данной книге. Он не говорил о них в общем, поскольку считал их священными, но хранил их для тех, кто полностью сочувствовал народу, одним из последних истинных представителей которого он был. Он рассказывал их с такой силой чувств, что это было жалко, потому что было очевидно, что он понимал, что величие его народа исчезло, не оставив ни памятников, ни достижений, которые бы отметили его место в истории мира.

Корнплантер умер, будучи твердым приверженцем религии краснокожих, и с верой смотрел в будущее, надеясь на Счастливые охотничьи угодья, о которых бесконечные поколения его народа учили надеяться.

Легенды

КОНФЕДЕРАЦИЯ ИРОКЕЗОВ

В земле сенеков царил мир. Красные люди ушли на охоту или были заняты изготовлением наконечников стрел и мощных луков, из которых вылетали смертоносные стрелы, когда в вигваме требовалась пища. Индейские женщины склонились над стеблями растущего кукурузы и обрабатывали почву между крепкими стеблями острыми ветками из молодого гикори. Дети бегали и прыгали на солнышке, и их смех наполнял воздух, смешиваясь с

тихими напевами стариков и старух, которые наблюдали за ними, а воспоминания о своей молодости поднимались, как призраки из прошлого. Под свежей зеленью новорожденного лета группы молодых мужчин и девушек плели из мягких и гибких ив корзины, циновки и покрывала. За пределами холмов бродили знахари, отмечая места, где прорастали ценные и любимые травы, изгонявшие злых духов страданий и болезней.

В земле сенеков царил мир, и в течение многих лун они не вели войн со своими братьями. Их деревни становились все сильнее, а их число увеличивалось. Молодых мужчин учили охоте, но их уши впитывали рассказы о войнах, а их сердца горели желанием отправиться в поход, чтобы завоевать могущественные племена могавков, онондагов или онейдов. Когда пришли мягкие ветры, некоторые из них сказали своим старейшинам: «Мы пойдем в страну могавков и узнаем у наших братьев, дали ли Манито им кукурузу на зиму и была ли оленина сладкой для их языков».

Пять солнц они бродили по лесам и развлекались у приятных ручьев. Наконец они наткнулись на нескольких молодых мужчин и девушек из племени могавков, которые занимались подготовкой земли для кукурузы. Забыв советы своих старейшин или не обращая внимания на то, что они им говорили, и желая продемонстрировать свою хитрость, они удивили и связали молодых могавков и увезли их в плен в землю сенеков.

Когда они прошли мимо домов онондагов, что им удалось сделать незаметно, они отпустили одного из молодых людей и велели ему вернуться к могавкам () и сказать им, что они найдут своих девушек в вигвамах сенеков, а своих молодых людей — рабами в деревнях.

Мудрецы и вожди совета серьезно покачали головами, когда молодые воины хвастались своим завоеванием, потому что они знали, что мир с сенеками нарушен.

Прошло несколько дней, и однажды вечером, когда костры начали бросать красные отблески на грубые стволы больших деревьев, пять воинов могавков появились в деревне совета сенеков.

«Пусть быстрые бегуны скажут вождям сенеков, что воины могавков давно на тропе и не должны спать. При свете совета они передадут весть, которая будет сладка для ушей могавков, но обожжет уши сенеков, которые ее услышат». Так сказал Оронтадека, сильный вождь могавков, когда он шагал к месту совета сенеков, сопровождаемый четырьмя торжественными и решительными сахемами, которые сопровождали его в этой миссии. Они сразу же сели на землю и в тишине ждали прихода сенеков.

Вскоре хранители огня племени пришли на место совета и с должной церемонией развели три костра. Когда был зажжен последний, вожди сенеков, сахемы и воины () молча заняли свои места вокруг пылающего смолистого дерева. Темные фигуры поспешили по утрамбованным тропам, ведущим через лес к разным деревням сенеков, и, не произнеся ни слова и не дав знака признания, воины, которые были уведомлены быстрыми бегунами и прибыли из своих дальних домов, заняли свои места у совета костра. Наконец, когда все собрались, вождь сенеков, Каньего, встал и сказал:

«Будут ли есть великие вожди могавков?

«Могавки имеют тяжелые проблемы на сердце, и еда сенеков заглушит их голоса», — ответил Оронтадека.

«Наполнить ли чашу трубки, чтобы могавки могли радоваться ее видениям?» — снова спросил Каньего.

«Могавки будут видеть ясно, и облака от миротворца могут ослепить их глаза», — был ответ.

«У сенеков есть еда для своих братьев, могавков, и хранители огня приготовили трубку, которую Великий Дух дал нашим отцам», — сказал Каньего. «У сенеков также есть уши, чтобы слышать, что скажут могавки. Пусть Оронтадека говорит».

Внезапно поднявшись с земли, где он сидел на корточках, Оронтадека быстро обошел несколько раз вокруг костров совета, а затем обратился к собравшимся:

«Мои братья! Когда пришло теплое солнце и смертельные покровы снега, покрывавшие землю, превратились в прыгающие потоки смеющегося воды, могавки были счастливы в своих домах, где Каньего много раз курил трубку мира и ел пищу, данную ему его братьями. Зимой чума не пришла из своего дома на севере, и вигвамы были полны запасов кукурузы и фасоли. Быстрые бегуны ушли к сияющим водам за большими горами, и через много солнц они вернулись, чтобы сказать, что враги могавков ушли за большие сосны и будут сажать и возделывать новые поля и охотиться в чужих лесах.

«Мои братья: могавки были счастливы, потому что их вигвамы нужно было сделать больше, и мужчинам предстояло много работы. Женщины и дети пели, потому что воины не уходили в поход, а старики думали о мирных днях, проходящих в деревнях. Внезапно до наших ушей донесся тревожный сигнал, и надежды в наших сердцах исчезли в ужасе. Как красная лиса крадется к гнезду куропатки () и уносит ее птенцов в свой дом в скалах, так пришли те, кто должен был быть нашими друзьями, и взяли в плен трех наших молодых людей и их пятерых сестер. Когда великий свет вошел в дверь его вигвама, жители деревни тщетно ждали прихода своих детей. Горе одиноких родителей, потерявших своих детей, распространилось по всем нашим деревням. Через семь солнц группа наших воинов наткнулась на одного из молодых людей, блуждавшего в одиночестве и без еды в лесу. Тогда к нашим удивленным ушам дошла история о том, что его братья были рабами в земле сенеков, а его сестры стали женами сенекских разбойников.

«Мои братья: ночью был зажжен советный костер, потому что могавки должны были обсудить войну. Гвагонша стоял перед своим народом и рассказал им, как он слышал, как птицы и ветер разговаривали вместе на верхушках деревьев, и как они договорились между собой, что сенеки ушли в теплые земли, а волки теперь живут в их заброшенных жилищах. Овенногон сказал, что даже рыбы знали, что сенеки боялись искать своих рабов в Нации Кошек за грохочущими водами, и по этой причине они послали разведчиков, чтобы похитить детей. Канентагура, стоя перед советом, сказал, что женщины сенеков уже не молоды, а пришли в этот мир со многими лунами на головах, а их спины согнуты от старости, а лица покрыты морщинами. Если воины сенеков хотят иметь жен, они должны похищать их у могавков, онондагов или онейдов, потому что у них нет вампума или каноз, чтобы купить их. Кантага сказал своему народу, что их стрелы должны быть готовы, а тетивы их луков должны быть укреплены. Если сенеки ушли в теплые земли, а их деревни захватили волки, то волки должны быть убиты, потому что они были опасными животными. Если сенеки стали трусами и боялись искать своих рабов в Нации Кошек, то они должны быть убиты, потому что на земле не было места для трусов. Или, если женщины сенеков

были такими чудовищами, что их нельзя было брать в жены, и у сенеков не было вампума или каноэ, чтобы купить девушек для своих вигвамов, то их нужно было убить, потому что Великий Дух был недоволен ими.

«Мои братья: воины могавков сразу же отправились по лесным тропам в землю сенеков, и когда они достигли деревни онондагов (), они рассказали им о причине своего путешествия, и воины онондагов оставили свои жилища на попечение стариков и старух и последовали за могавками по тропе. Они остаются у длинных вод, пока Оронтадека и его друзья посещают советский костер сенеков. Мы оглядываемся вокруг и обнаруживаем, что некоторые истории, рассказываемые о сенеках, не соответствуют действительности. Сенеки по-прежнему живут в своих хижинах и не были изгнаны волками. На ваших реках и озерах много каноэ, а в вигвамах висят многочисленные нитки вампума. Женщины сенеков не старые и не уродливые, потому что мы видим здесь девушек, чьи глаза подобны огням, зажженным Великим Духом, когда солнце ушло в свой вигвам, и чьи фигуры прямые, как ясеня.

Но мы знаем, что молодые мужчины могавков были обращены в рабство в деревнях сенеков, и что девушки могавков теперь являются женами ваших молодых вождей. Мы полны скорби. Мы не искали войны, и мы знаем, что она принесет много страданий, потому что воинов могавков и онондагов много, а их стрелы длинные. Они сожгут ваши деревни и отправят многих ваших воинов в долгое путешествие. Ваши жены и дети будут беззащитно изгнаны в лес, а ваши старики будут делиться своей мудростью только с рыбами. Сенеки — похитители детей и трусы, и могавки и онондаги изгонят их в теплые земли, где они будут носить табачные мешочки женщин и станут рабами».

Когда Оронтадека произнес эти смелые слова, по толпе слушающих сенеков прошел ропот резкого гнева. Однако внезапный жест Каньего, вождя сенеков, подавил его, и он поднялся, чтобы дать ответ. Долгое время он стоял молча, скрестив руки и склонив голову, а затем сказал:

«Братья мои! Когда Оронтадека, могавк, гулял по лесу и наблюдал за играющими медвежатами, он видел, что они никогда не сидят на месте, а полны жизни и смелых поступков, даже когда их родители строго ругают их. Так же мой брат видел, как олени бегут по равнинам, как ветер, мчась туда-сюда, как будто они никогда не устают, пока их старшие не окружают их кругом и не выпускают. Мой брат знает, что молодые люди полны жизни, как молодые животные, и, как бури, не могут быть сдержаны в своем курсе теми, кто с страхом смотрит на их разрушительные поступки.

«Когда молодые люди из племени сенека отправились в путь, старейшины советовали им быть мудрыми, но они не слушали и закрывали глаза на опасности, которые поджидали их на пути. Они забыли то, что им было сказано, и из домов могавков увезли девушек в свои вигвамы. Они боялись, что молодые могавкские воины заблудятся в лесу без девушек, которые могли бы их вести, и поэтому привели их в землю сенеков, где их могли научить изготавливать луки и быть полезными женщинам, отгоняя птиц от кукурузы. Вожди и сахемы сенеков были недовольны тем, что их молодые воины поступили так, но молодых людей никогда не следует наказывать за смелые поступки, даже если они забыли мудрые советы стариков, чтобы они не стали трусами.

«Мои братья: если бы могавки пришли к совещательному костру сенеков и попросили дать им каноэ, вампум и теплые меховые шкуры медведей и бобров для своих девушек, совет удовлетворил бы их просьбу, ведь у нас ведь есть все в изобилии? Даже молодые

могавки были бы возвращены под опеку своих отцов, чтобы они были в безопасности и не стали скитальцами, где волки и пантеры могли бы им навредить. Но могавки не сочли это лучшим решением и пришли к костру совета ночью, когда можно говорить только о войне. Они отказались есть пищу, предложенную им сенеками, и когда хранители костра зажгли трубку мира, они отвернулись. Они пришли, чтобы сказать нам, что воины могавков подняли воинов онондагов, которые теперь находятся на следе, готовые и ждущие, чтобы разрушить дома сенеков, и стремящиеся изгнать нас с земли, данной нам Великим Духом.

Когда краснокожие из долины приходили к костру совета сенеков без угроз войны, их всегда принимали с радостью, и после разговора они уходили в мир. Но теперь они пришли как шпионы и говорят, что мы трусы, и привели с собой воинов могавков и онондагов, чтобы уничтожить наши деревни. По этой причине пусть вожди могавков останутся у нашего совета, а молодые мужчины и женщины могавков будут приведены, чтобы составить им компанию. Если воины могавков и онондагов подойдут слишком близко к деревне сенеков, они увидят, как Оронтадека и его друзья отправляются в долгое путешествие, и поймут, что многие будут посланы, чтобы последовать по тому же пути».

Могавки были совершенно не готовы к такому повороту событий, который, должно быть, был согласован с сенеками до начала совета. Их быстро связали как пленных. Когда наступил рассвет, пять вождей могавков вместе с девушками и юношами, похищенными из своих домов, были помещены под строгую охрану на небольшом возвышении недалеко от деревни, и был отдан приказ, что если вторгшиеся воины приблизятся к деревне, Оронтадека и его товарищи по плену должны быть немедленно казнены. Десятки разведчиков сенеков прочесывали леса во всех направлениях, и один молодой сенек, не боящийся опасностей, которым он подвергался, уже давно отправился в лагерь превосходящих сил, чтобы сообщить им, что вожди могавков удерживаются в качестве заложников. Он выполнил свою миссию и был немедленно взят в плен.

В деревне сенеков кипела деятельность. Женщины и дети готовились к бегству под охраной, а воины планировали засады, чтобы как можно дольше сдерживать наступающие силы и прикрыть бегство своих женщин и детей на юг.

Солнце поднялось выше в небе, и разведчики сенеков один за другим возвращались из леса, сообщая о приближении большой военной группы могавков и онондагов. Они приближались все ближе и ближе, очевидно полагая, что их большое число делает осторожность ненужной и что сенеки либо в панике бегут, либо просят о мире на любых условиях, которые могут диктовать захватчики. Недалеко от деревни к ним вышла группа из пяти сенеков и громким голосом предупредила врагов, чтобы те не приближались, если хотят спасти жизнь своих вождей и индейских мальчиков и девочек, которых они держат в плену. Была объявлена остановка, и атакующая сторона уже собиралась вступить в переговоры с сенеками, когда раздался голос Оронтадеки:

«Сеноки должны быть изгнаны воинами могавков и онондагов, — крикнул он, — потому что они не только похитители детей и трусы, но и предатели, которые забыли, что Великий Дух создал советский костер и повелел не нарушать его. Оронтадека готов отправиться в свое долгое путешествие. Пусть воины выдвигаются вперед и увидят, как трусы бегут по лесу. Оронтадека и его друзья научат их, как умирать».

Стражи, охранявшие пленных могавков, схватили своих жертв и подняли тяжелые каменные топоры, чтобы нанести смертельные удары. Могавки и онондаги знали, что наступление с их стороны означало верную смерть для их вождей и других пленников, но они приготовились броситься вперед.

Тогда голос одной из молодых могавкских девушек поднялся в крике, который привлек внимание воинов обеих сторон. Ее взгляд был устремлен на солнце, и с ее губ сорвались слова, которые наполнили страхом и смятением сердца всех присутствующих.

«Смотрите, смотрите, братья мои! Великий Дух скрывает свое улыбающееся лицо и не хочет смотреть на битву краснокожих. Он уйдет и оставит их в темноте, если они сожгут деревни и своими отравленными стрелами отправят охотников, женщин и детей в долгое путешествие, прежде чем их призовут. Смотрите, братья мои, он видел, как девушки могавков были счастливы в хижинах сенеков, и он не захочет смотреть на их страдания и смерть. Он скрывает свое лицо, братья мои! Он скрывает свое лицо!»

Среди воинов, которые могли встретить смерть на охоте или в бою с улыбкой, поднялся стон ужасного страха, они были потрясены этим ужасным зрелищем. Они увидели черный диск, движущийся вперед по лицу безоблачного солнца.

Охранники отпустили своих пленников и пали к их ногам. Могавки, сенеки и онондаги смешались, умоляя друг друга о прощении и заявляя о самой глубокой дружбе. Женщины и дети сенеков поспешили из леса, где они прятались, и присоединились к общему крику страха. Дикие, жестокие лица, испачканные разноцветной землей и пигментами, были обращены в страшном ожидании к быстро темнеющему небу, становясь все более дикими и жестокими от ужасного страха, который их охватил. Вожди и мудрецы скрывали свои лица в меховых одеждах, а воины в ужасе ползали по земле. Орлы, ястребы и стаи мелких птиц слепо метались между ветвями деревьев, а со всех сторон раздавались странные крики тревоги и отчаяния. Пантера и медведь бежали, скуля и визжа, вместе с кроликом; лиса и другие обитатели леса искали защиты у испуганных краснокожих или лежали, дрожа и задыхаясь, под покровом какого-нибудь поваленного гиганта леса.

Страшная черная тень ползла вперед, поглощая диск прекрасного солнца, как могучий демон, пришедший, чтобы стереть с лица земли источник света, тепла и жизни, а над свежей и пробуждающейся землей распространилась призрачная мгла, которая никогда не перестает внушать благоговейный трепет даже самому беспечному наблюдателю. Цветы, которые так обильно заполняли лес, закрылись, как будто на них внезапно обрушилась ночь; тепло и аромат дня, который начался с такой славой, уступили место вечерней сырости, а на небе снова появились звезды и планеты. На всю природу легла неземная, мертвенная тень, и в внезапном холоде все было холодным и промокшим от падающей росы.

Наконец, сквозь эту ужасную мглу испуганные и дрожащие краснокожие увидели когда-то высокую и прямую, а теперь согнутую и шаткую фигуру Сагойунты, старого вождя сенеков, вылезающего из своего вигвама. Дойдя до центра охваченного ужасом собрания, старик, казалось, внезапно обрел молодость и стоял перед ними как могучий воин, а его изрезанное шрамами и морщинами лицо, на котором отразились бури более ста зим, было обращено к страшному зрелищу на небесах, подобного которому даже Сагойунта никогда не видел. Его голос снова зазвучал чистыми тонами, которые пробуждали эхо лесов задолго до рождения любого из его слушателей, и он звучал странно резко и громко в царившей вокруг грозной тишине.

«Дети мои, Сагойонта говорит с вами голосом прошлого, но его глаза смотрят в будущее. Великий Дух гневается на своих детей, ибо он хочет, чтобы они жили в мире. Он закрыл дверь своего вигвама перед своим улыбающимся лицом, и его дети больше не увидят его, если не будут курить трубку, которую он дал их отцам, когда отправлял их из Счастливых Охотничьих Угодий. Сагойонта сказал. Услышат ли его дети его голос?»

Каньего вскочил с земли, как укушенный змеей, и, пригнувшись, быстро побежал в деревню. Он отсутствовал всего несколько мгновений и снова прибежал к кругу вождей, неся в руках священную трубку, в которой тлел ароматный табак. Ее поспешно передавали из рук в руки, а тревожные лица были обращены вверх, в молчаливой мольбе к потемневшему солнцу.

Смотрите! Ах, смотрите! Пожилой Сагойонта протягивает руки в мольбе, и яркий и ослепительный край прекрасного солнечного диска снова появляется!

Краснокожие мужчины поднимают радостные крики, а женщины и дети громко плачут от счастья, поскольку в их сердцах вновь зародилась надежда. Пожилой Сагойонта опускается на землю и слабым голосом, с дрожащими губами, начинает петь свою песню смерти. Слова становятся все тише и тише по мере того, как солнце поднимается все выше, и, наконец, затаившая дыхание толпа теряет звуки, доносившиеся от уходящего духа, достигшего врата Счастливых Охотничьих Угодий.

В свете дважды наступившего дня и в присутствии священных мертвых, которые указали краснокожим путь, по которому они могли избежать недовольства своего Отца, была образована Конфедерация ирокезов.

РОЖДЕНИЕ АРБУТУСА

МНОГО, много лун назад жил старик, одиноко обитавший в своей хижине у замерзшего ручья в великом лесу за широкими водами северных озер. Его волосы были длинными и белыми от возраста и мороза. Меха медведя и хитрый бобр покрывали его тело, но не слишком тепло, потому что повсюду был снег и лед. На всей земле царил зима. Ветры спускались с мрачных горных склонов и дико мчались сквозь ветви деревьев и кустов, ища певчих птиц, чтобы заморозить их сердца. Даже злые духи дрожали в этой пустыне и пытались выкопать себе укрытие в глубоком снегу и льду. Одиноким и хромым, старик вышел в лес, ища сломанные ветки, упавшие с деревьев, чтобы поддерживать огонь в своей хижине. Он нашел лишь несколько вязанок хвороста и в отчаянии снова направился к своей хижине, где, склонившись над угасающими углями в очаге, он в муке взывал к Великому Духу, чтобы тот не дал ему погибнуть.

Тогда ветер завыл в верхушках деревьев и, кружа над лесом, вернулся и сдул шкуру большого медведя, висевшую над дверью его хижины, и, о чудо! вошла прекрасная девушка. Ее щеки были красными, как листья диких роз; ее глаза были большими и светились, как глаза олененка ночью; ее волосы были черными, как крылья ворона, и такими длинными, что касались земли, когда она шла. Ее руки были украшены ивовыми почек, на голове у нее была корона из цветов, ее плащ был соткан из ароматных трав и папоротников, а мокасины были из белых лилий, украшенных кружевом и вышитых лепестками жимолости. Когда она дышала, воздух в хижине становился теплым, и холодные ветры в ужасе устремлялись обратно.

Старик с удивлением посмотрел на свою странную гостью, а затем открыл рот и сказал: «Дочь моя, добро пожаловать в мое скромное убежище, в мою унылую хижину. Здесь одиноко и пустынно, и Великий Дух покрыл упавшие ветви деревьев своим смертным покровом, чтобы я не мог их найти и снова разжечь огонь в своей хижине. Присядь сюда и расскажи мне, кто ты такая, что бродишь, как олень в лесу. Расскажи мне также о своей стране и о том, какой народ наделил тебя такой красотой и грацией, а затем я, опустошенный Манито, расскажу тебе о своих победах, пока ты не устанешь от моего величия».

Дева улыбнулась, и солнечный свет проник внутрь и проник своим теплом через крышу хижины. Опустошенный Манито наполнил свою трубку дружбы, и, затянувшись ароматным табаком, сказал: «Когда я, Манито, выдыхаю воздух из ноздрей, воды реки замирают, большие волны на озерах успокаиваются, а журчание ручьев затихает в тишине».

Тогда девушка сказала: «Манито велик и силен, и воды знают прикосновение его дыхания; но когда я, любимая птицами, улыбаюсь, цветы распускаются по всему лесу, и равнины покрываются зеленым ковром».

Тогда Манито сказал: «Я встряхиваю свои локоны, и вот! Земля покрывается смертельным покровом снега».

Тогда девушка ответила: «Я дышу в воздух, и приходят теплые дожди, и смертный покров исчезает, как тьма, когда великий огонь пробуждается от своего сна утром».

Тогда Манито сказал: «Когда я хожу, листья на деревьях умирают и падают на землю; птицы покидают свои гнезда и улетают за озера; животные зарываются в норы в земле или в пещеры в склонах гор, а ветры воют над всей землей песню смерти».

«Ах, велик Манито, — сказала девушка, — и его могущественное имя боятся все живые существа на земле. «Велик Манито», — говорит весь мир, и его слава распространилась среди детей Великого Духа, пока они не припали к земле от страха и не сказали: «Могущественен и жесток Манито! Ужасен Манито, и более жесток и коварен в своих пытках, чем краснокожие. Его сила больше, чем сила гигантских деревьев леса, ибо разве он не разрывает их своими могучими руками? Но когда я, кроткая дева, выхожу, деревья покрывают множеством листьев наготу, которую ты, великий Манито, причинил; птицы поют на ветвях и снова строят гнезда, из которых ты их изгоняешь; животные ищут себе пару и воспитывают своих детенышей; ветер поет мягкую и приятную музыку для ушей краснокожего, пока его жены и дети играют в теплом солнечном свете возле его вигвама».

Пока девушка говорила, хижина стала теплой и светлой, но хвастливый Манито не обратил на это внимания, потому что его голова склонилась на грудь, и он заснул.

Тогда девушка провела руками над головой Манито (), и он начал уменьшаться. Синие птицы прилетели и заполнили деревья вокруг хижины и запели, а реки подняли свои воды и закипели от свободы. Потоки воды хлынули из уст Манито, а одежды, покрывавшие его сжавшуюся и исчезающую фигуру, превратились в яркие и блестящие листья.

Затем девушка опустилась на колени и достала из своего лона самые драгоценные и красивые розово-белые цветы. Она спрятала их под листьями вокруг себя и, дыша на них с любовью, сказала:

«Я дарю вам, о драгоценные жемчужины, все мои добродетели и мое сладкое дыхание, и люди будут срывать вас, склонив голову и преклонив колени».

Затем девушка двинулась по равнинам, холмам и горам. Птицы и ветры пели вместе в радостном хоре, а цветы поднимали свои головы и приветствовали ее ароматом.

Везде, где она ступала, и нигде больше, растет арбутус.

ЛЕГЕНДА О РЕЧКЕ

Много сотен лун назад среди сенеков жила девушка по имени Тонадахва, которую каждый молодой вождь желал видеть в своем вигваме. Один из молодых храбрецов ее племени завоевал ее сердце, рискнув жизнью, чтобы спасти ее от надвигающейся опасности, и она не хотела слушать никого другого. Ее улыбки были только для ее героя, и ее глаза светились, как солнечные лучи, когда он был рядом.

Однажды девушка быстро плыла на своей каноэ по реке, не подозревая, что ее ждет большая опасность, угрожающая ее жизни и счастью. Вдоль берега реки, незаметно для Тонадахвы, мчался молодой воин сенека, который был ее женихом, но которого она отвергла и избегала. Ее легкая каноэ унесла ее далеко от деревни сенеков, когда она вдруг услышала то, что, как она полагала, был зов ее возлюбленного с берега. Опираясь на весло, Тонадахва прислушалась и снова услышала долгожданный зов, который усилил румянец на ее округлых щеках. Ответив радостным криком, она направила каноэ к берегу и несколькими гребками направила ее под нависающие ветви.

Но в каноэ внезапно вскочил не возлюбленный Тонадахвы. Это был ее мрачный и разгневанный соперник, и она увидела на его лице выражение злобного торжества.

Девушка не вскрикнула, не выразила удивления, хотя ее глаза потемнели, а щеки приобрели более мрачный оттенок. С восклицанием, которое почти лишило Тонадахву надежды, ненавистный возлюбленный вырвал весло из ее рук и направил легкое судно быстро к середине реки.

Внезапно яркий объект прорезал воздух, и стрела вылетела с берега реки и вонзилась между плечами трусливого похитителя, когда он наклонился, чтобы обнять съезжившуюся девушку. С криком побежденный соперник прыгнул в реку, отбросив весло, и последними силами оттолкнул каноэ с его пассажиркой далеко в быстрое течение. Вихревые, бурлящие пороги захватили беспомощное судно и понесли его вперед с ужасающей скоростью. Тонадахва помахала на прощание своему возлюбленному и, напевая свою песню смерти, которую сосны вдоль берега подхватили и шептали, каноэ полетело среди тумана и брызг ревущего потока.

Зеленая, как изумруд, за исключением тех мест, где она была покрыта белой пеной или окутана туманом, река неслась вперед, а хрупкое каноэ, бросаемое как игрушка в потоке течения, кружилось вперед, пока не исчезло в реве и шуме стремительного потока.

Как ветер, отчаявшийся любовник помчался вдоль берега к высоким берегам, возвышающимся над водопадом. Там он остановился на мгновение, пока каноэ и его драгоценный груз не исчезли из виду. Затем, подняв на мгновение руки в сторону Счастливых Охотничьих Угодий, он прыгнул в страшную бездну.

Но среди брызг и бурлящего потока появились мириады теневых фигур — духи могучих воинов, которые давно уже обрели землю приятных лесов. Быстро, но осторожно они опустили тело героя, пока он не оказался невредимым под водопадом ревущей воды, и принял в свои объятия без сознания Тонадахву, которую воины держали, ожидая его прихода.

Цепляясь за обломанные скалы, подвергаясь ударам и ослепленный ужасным потоком воды, смелый и торжествующий сенека отнес свою любимую на безопасное место и с благодарностью наблюдал, как она приходит в сознание и возвращается к жизни.

С тех пор сосны нежно напевают песню Тонадхавы, и, смешиваясь с ревом воды, влюбленные, прислушивающиеся к ней, часто слышат странный, таинственный крик возлюбленного Тонадхавы, когда он бросился вниз за любимой девушкой.

ЛЕГЕНДЫ О КУКУРУЗЕ

Старый и уважаемый вождь отправился в одиночку на вершину высокой горы, чтобы встретиться с Великим Духом. Вождь сказал Великому Духу, что краснокожие устали от корней и трав, которые вместе с плодами, растущими на деревьях и кустах, составляли их пищу, и он попросил Отца послать им часть пищи, которую едят в Счастливых Охотничьих Угодьях. Великий Дух велел вождю взять своих жен и детей, отправиться в путь в дождливую луну и остановиться на одной из равнин, не сдвигаясь с места в течение трех солнц. Тогда Великий Дух придет и даст индейцам пищу. Вождь вернулся к своему народу и рассказал им о том, что он услышал от Великого Духа. Когда наступила дождливая луна, они сделали так, как велел вождь. Через три солнца все уснули. Индейцы не трогали их, поскольку это странное явление считалось знаком особой милости. Через несколько недель старый вождь и члены его семьи превратились в пышные зеленые растения. Совет собрался, и вождь Кай-Кай-Кай () послал мудрецов на поле, где они обнаружили кукурузу.

* * *

Долго и усердно молодой храбрец ухаживал за прекрасной девушкой и наконец получил ее согласие жить с ним в его вигваме. Но дни и ночи без нее были одинокими, и молодой храбрец не мог оставаться вдали от ее хижины. Опасаясь, что ее может похитить один из ее многочисленных поклонников или что ей может угрожать опасность, он ночевал в лесу, чтобы быть рядом и защищать ее. Однажды ночью его разбудили легкие шаги, и, вскочив, он увидел, как его возлюбленная выбирается из своего жилища, как лунатик. Он погнался за ней, но она, как будто убегая во сне от угрожающей ее жизни опасности, бежала от него, мчась по тропинкам, как быстроногий заяц. Он продолжал следовать за ней и, наконец, подошел так близко, что мог слышать ее быстрое дыхание и учащенное биение сердца. Со всей оставшейся силой влюбленный бросился вперед и прижал девушку к своей груди. Каково же было его горе и удивление, когда он обнаружил, что в его объятиях была не любимая девушка, а странное растение, подобного которому он никогда раньше не видел. Девушка проснулась как раз в тот момент, когда ее настиг возлюбленный, и была настолько напугана окружающей обстановкой, что превратилась. Она подняла руки к голове как раз в тот момент, когда ее поймал возлюбленный, и ее поднятые руки превратились в колосья, а там, где ее пальцы схватили волосы, на кукурузе появились красивые шелковые нити.

ПЕРВАЯ ЗИМА

Было время, когда дни были одинаковой длины, и всегда было лето. Красные люди жили в постоянной улыбке Великого Духа и были счастливы. Но появился вождь, который был настолько могущественен, что в конце концов объявил себя сильнее Великого Духа и научил своих братьев выходить на равнины и издеваться над Великим Духом. Они призывали Великого Духа прийти и сразиться с ними, или вызывали его на бой, чтобы он унес урожай растущей кукурузы или прогнал дичь из лесов; они говорили, что он был жестоким отцом, который оставил себе и своим мертвым братьям Счастливые Охотничьи Угодья, где краснокожие могли охотиться вечно, не уставая. Они смеялись над своими стариками, которые так долго боялись упрекнуть Великого Духа за его несправедливое отношение к индейцам, которые были вынуждены охотиться и ловить рыбу для своих жен и детей, в то время как их женщины должны были сажать кукурузу и собирать урожай. «В Счастливых охотничьих угодьях, — говорили они, — Великий Дух кормит наших братьев и их жен, и не позволяет никаким врагам или опасностям нападать на них, но здесь он часто оставляет нас голодными. Если он так велик, как вы говорите, почему он не заботится о своих детях здесь?»

Тогда Великий Дух сказал им, что он отвернется от них своим улыбающимся лицом, чтобы у них больше не было света и тепла, и они должны будут разводить костры в лесах, если хотят видеть.

Но краснокожие смеялись и издевались над ним, говоря, что он так долго следовал по одному пути, что не может с него сойти, а должен будет приходить каждый день и давать им свет и тепло. Тогда они будут танцевать, корчить ему рожи и издеваться над его беспомощностью.

Через несколько дней быстрые глаза некоторых краснокожих увидели утром лицо Великого Духа там, где оно обычно не появлялось, но они молчали, боясь насмешек своих братьев. Наконец, более тупые глаза заметили перемену, и среди людей распространилась тревога и смятение. С каждым днем улыбка Великого Духа становилась все реже, и его лицо часто скрывалось за темными облаками, а страшные бури обрушивались на испуганные лица, обращенные с мольбой к небу. Сильные воины и храбрецы стали как женщины; старики покрывали головы шкурами и голодали в лесах; а женщины в своих хижинах напевали тихую, скорбную песнь смерти, а младенцы ползали по пещерам в скалах и горах и умирали, оставаясь незамеченными. Морозы и снега обрушились на беззащитный и пораженный народ, и многие из них погибли.

Тогда Великий Дух, который почти скрыл свое лицо от краснокожих, сжалился над ними и сказал, что вернется. День за днем те немногие, кто остался в живых, с радостью наблюдали за возвращением солнца. Они пели в честь приближающегося лета и снова с благодарностью приветствовали первые ростки кукурузы, пробивавшиеся из земли. Великий Дух сказал своим детям, что каждый год, в наказание за оскорбления, которые они

нанесли своему Отцу, они должны будут в течение одного сезона ощущать на себе всю мощь той силы, над которой они насмехались; и они не роптали, а смиренно склонили головы.

Из тел тех, кто погиб от холода и голода, выросли всевозможные ядовитые растения, которые распространились по всей земле, чтобы мучить и угрожать жизни индейцев всех поколений; и в последующие годы, когда кто-либо из индейцев по какой-либо причине «съедал смертельный корень», о них говорили, что они «съели тела своих братьев, которые бросили вызов Великому Духу».

ВЕЛИКИЙ КОМАР

Огромная птица охотилась на краснокожих во всех частях страны. Их дома ни разу не были в безопасности от ее разрушительных действий. Часто она уносила детей, играющих рядом с вигвамами, или, как молния, стремительно спускалась с неба и сбивала женщину или мужчину, которые истекали кровью и умирали на земле. Целые поля кукурузы были уничтожены за одну ночь ее разрушениями, и ее приход был настолько быстрым и ужасным, что индейцы едва осмеливались выйти из укрытия своих домов. Сильная группа кайюгов и онондагов наконец решила убить ее, независимо от того, какой ценой это обойдется им самим. Молодой воин предложил себя в жертву. Ему дали несколько ремней из сыромятной кожи, и он отправился на одну из открытых площадок, где, как полагали, страшное чудовище обнаружит его и набросится на него. Молодой храбрец должен был привязать одну из ремешков к лапе птицы или, по возможности, к какой-нибудь части ее тела, прежде чем убить ее, а затем его товарищи, выбежав из укрытия, попытались бы убить врага, который был с таким трудом пойман в ловушку. Подготовка была тщательно проведена, и молодой храбрец отправился на свою опасную миссию. Три дня он сидел, напевая свою песню смерти и ожидая наступления своего страшного судьбы. Утром четвертого дня небо внезапно потемнело, и наблюдатели увидели, что огромная птица медленно кружила над героическим молодым каюгой. Он прекратил петь, встал и выкрикнул вызов почти верной смерти, которая его ожидала.

С криком, который заставил сердца ожидающих индейцев замерзнуть от ужаса, птица набросилась на свою жертву, как пантера на добычу. Произошла короткая и ужасная борьба, а затем скрытые воины бросились вперед, чтобы закончить дело своего храброго молодого товарища, которому удалось накинуть одну из ремешков на шею огромного комара. Они присоединились к сражению, и стрелы посыпались на борющуюся массу, как град. После долгой схватки птица была убита, и молодой каюга улыбнулся в знак триумфа, когда его последний взгляд остановился на мертвом теле чудовища.

Бегуны были немедленно отправлены в деревни, чтобы сообщить индейцам о победе, и вскоре огромное количество из них пришло посмотреть на своего давнего врага, который был убит такой ценой. Его тело было больше, чем у самого большого медведя, которого они когда-либо видели, а размах его крыльев был равен росту трех человек. Его когти были

длинные, как стрелы, а чудовищный клюв был усыпан острыми зубами. Смерть огромного комара вызвала большую радость, и в течение нескольких дней проводились пиры и танцы в честь храбрости тех, кто избавил страну от такого страшного бедствия. Однако вскоре леса заполнили рои ядовитых маленьких мух, которые с тех пор стали бичом всех народов, и индейцы обнаружили, что они появились из тела мертвой птицы. Слишком поздно они поняли, что тело огромного комара следовало сжечь сразу после его гибели, ведь огонь всегда уничтожает злых духов.

ИСТОРИЯ ОНИАТЫ

ДЕВУШКА, более красивая, чем когда-либо видели, пришла в дом великого вождя и выросла у его камина. Все племена в радиусе многих долгих путешествий воздавали ей честь, потому что, хотя ее глаза были темны, как глубины озера в скалах, ее кожа была светла, как у бледнолицых, которые пришли тысячи лет спустя, а волосы были похожи на лучи солнца.

Великий вождь был почитаем выше всех своих людей благодаря своей прекрасной дочери, поскольку она могла творить чудеса, изгоняя злых духов болезни, и когда ее отец отправлялся на войну или на охоту, он всегда был успешен, поскольку носил с собой улыбки девушки, чтобы ослепить своих врагов или помочь в поиске скрытых следов. Ее песни были настолько полны музыки, что, когда она пела, дикие птицы затихали на ветвях деревьев и прислушивались, чтобы уловить звуки ее голоса. Когда она смеялась, воды в горных ручьях искали глубокие омуты, а от стыда прекращали свой шумный ропот. Ее ноги были настолько маленькими и нежными, что для изготовления ее мокасин использовались только шкуры оленят. Снег, покрывавший землю зимой, был не белее ее кожи, а ее щеки были похожи на первые лучи солнца по утрам, когда созревает кукуруза. Никогда прежде индейцы не видели никого столь прекрасного, и мудрецы шептались, что она была послана Великим Духом из Счастливых Охотничьих Угодий, чтобы научить индейцев, какая красота ждет их, когда они отправятся в свой вечный дом.

По всей земле распространилась история об этой чудесной девушке, как весть о богатом урожае или хвастовство об удачной охоте. Из дальних деревень приезжали молодые вожди и воины, и когда они видели эту лилию леса и слышали музыку ее голоса, у них больше не оставалось сердца для охоты, и они проводили дни, пытаясь завоевать одобрительные взгляды темных глаз Онииаты, дочери Тиогаугвы. Они приносили ей самые роскошные и изысканные головные уборы из вампума, в которые были вплетены перья и пух птиц, которых им удалось поймать благодаря своей хитрости. Они совершали самые удивительные подвиги ловкости и выносливости, часто соревнуясь друг с другом, пока даже их суровые натуры не могли выдержать ужасных испытаний, которые они накладывали на себя, и некоторые падали измученные или умирающие, в то время как более удачливые кричали крики триумфа и победы, громко хвастаясь своими силами и мощью.

Тиогауа, отец Ониаты, был полон гордости за внимание, проявленное к его дочери. Его хижина была богата подарками в виде редких мехов и ниток вампума, которые были положены к ее ногам; лекарства самых мудрых вождей были в его свободном распоряжении; он мог бы союзничать свое племя с самыми могущественными, поскольку величайшие вожди и самые известные воины стремились жениться на прекрасной Ониате.

Но в счастливые дни старого вождя Тиогауа наступили перемены. Однажды вожди и воины были удивлены, увидев место совета заполненным женщинами и девушками со всей округи. Они покинули свои хижины, оставили костры на попечение стариков и детей и, не обращая внимания на мрачные взгляды своих мужей, сыновей или братьев, заняли места, обычно занимаемые мудрецами народа. Когда все собрались, жены пяти главных вождей были посланы, чтобы попросить Тиогаугу, вождей и мудрецов прийти к кострам совета.

Когда вожди и мудрецы сели, на собрание опустилась тишина. Наконец ее прервали первые слабые ноты траурной песни индейской девушки о возлюбленном, погибшем в битве. Другие присоединились к пению, и странный хор подхватили сотни собравшихся женщин, наполнив леса нотами скорби. Песня прекратилась, но ее последняя нота едва затихла, как ее сменила другая. Индианские жены начали петь печальную историю, которую по обычаю покинутая жена пела в своей одинокой хижине, когда ее муж уходил от нее, чтобы соединиться с другой, более подходящей его вкусам. Когда их жалоба закончилась, женщины долго сидели с опущенными головами. Наконец жена одного из вождей — высокая, гибкая, красивая молодая принцесса — вышла перед вождей и сахемов и сказала:

«Мы пришли к кострам совета, о, мои братья, чтобы вместе сказать Великому Духу, что возлюбленные индейских девушек мертвы, и попросить его встретить их на границе Счастливых Охотничьих Угодий. Мы пришли также, о, братья мои, чтобы сказать Великому Духу, что злые духи увлекли наших мужей и рассказали им сказки, которые увлекли их из наших хижин, и их жены и дети болеют от голода. Молодые храбрецы больше не ищут улыбки темнокожей девушки. Она заплетает свои волосы цветами и вампумом и сидит в лесу, ожидая прихода своего супруга; но молодые храбрецы больше не приходят, чтобы ухаживать за ней, и их больше не найти на следах медведя или пантеры. Они валяются с собаками в тени вигвама Ониаты и злобно смотрят, как тяжело раненые кабаны, на темнокожих девушек, которые подходят к ним. Они мертвы, и сердца индейских девушек полны печали.

Жены покрывают головы волчьими шкурами и говорят Великому Духу, что их мужья покинули их. День за днем они поддерживают огонь в хижинах, но охотники не приходят, чтобы сидеть у костра и рассказывать истории об охоте. Слабые старики и мальчики пытались следовать за охотой, чтобы обеспечить женщин пищей. Дети заболели и умерли, и много раз звучала песня смерти. Но воины не приходят. Они забыли свои дома, лежа в своих лагерях возле хижины белой лилии, где их усыпляют улыбки Ониаты.

«Неужели темные девы утратили свою красоту, что их взгляды больше не могут оживить сердца молодых храбрецов? Неужели темные жены отказались выполнять приказы своих мужей, чтобы те бросили их, как больных и раненых собак, павших во время охоты?

«Мои братья, Ваунопета, жена Торвауканды, высказалась, и ее сестры велели ей сказать, что, если они больше не нравятся сердцам краснокожих, они просят отправить их в долгое путешествие на Счастливые охотничьи угодья».

Когда Ваунопета закончила говорить и заняла свое место среди присевших женщин, на внешнем крае круга произошло движение, и в мгновение ока Ониата оказалась в центре совета. Когда эта чудесная красавица появилась перед ними, раздался восторженный возглас. Многие никогда ее не видели и были почти ослеплены красотой, до того неизвестной их народу. Она была одета в самые дорогие шкуры, а ее волосы ниспадали, как облако солнечного тумана, на ее прекрасные плечи. Ее щеки горели румянцем, выдавая ее общее происхождение с темнокожими сестрами, которых она невольно огорчила.

«Ониата здесь!» — воскликнула она, оглядываясь на темные лица перед ней глазами, похожими на глаза преследуемого олененка. «Ониата здесь, чтобы сказать, что она не просила улыбок молодых воинов. Они собрались вокруг ее вигвама и прогнали бога снов своими криками и песнями о любви, но она закрыла уши шкурами бобра и не стала их слушать. Когда Онията вышла в лес, они появились перед ней, как грозовые тучи, и она вернулась в свой вигвам и не могла смотреть на своего отца, солнце. Воины пришли к хижине белой лилии и криками и воплями сказали Ониате, что их жены и дети станут рабами белой лилии, если она выглянет из своей хижины на них. Но Онията созвала женщин из своего вигвама, и они посмеялись в лицо воинам. Онията любит своих сестер, но они злятся на белую лилию и просят, чтобы ее отправили в долгий дом, где ее больше не увидят храбрые воины. Она уйдет из дома краснокожих и своих темнокожих сестер — далеко за горы и великие озера — и храбрые воины вернутся к жизни для темнокожих девушек и будут искать их с любовными песнями в лесах, а воины снова пойдут в свои вигвамы, где их ждут жены и дети. Но ее народ будет помнить Ониату, потому что она будет целовать цветы в лесах, когда будет уходить.

«Мои сестры, Ониата, дочь солнца и великого вождя Тиогауа, сказала свое слово».

Она махнула рукой, и круг слушающих мужчин и женщин расступился, чтобы она могла пройти. Вождь Торвауканда двинулся вперед, чтобы последовать за ней, но темная принцесса Ваунопета встала на его пути, и он понял по угрожающим лицам вокруг, что белая лилия пойдет одна.

Тиогаугва поднялся, когда его дочь быстро удалилась, и сказал: «Ониата хорошо сказала. Она уйдет с миром. Скальп воина, который последует за ней, будет висеть в вигваме Тиогаугвы».

Старый вождь повернулся, скрестил руки на груди и с трогательной любовью смотрел на быстро исчезающую фигуру своей дочери.

Ониата — любимая солнцем, мечта индейцев — ушла в лес, а торжественный совет сидел в тишине, пока прекрасное видение не исчезло навсегда из их поля зрения.

Далеко от своего народа она блуждала, не останавливаясь, чтобы оглянуться на дом, который она любила. Солнце согревало ее путь в течение многих дней, а ночью сестра солнца улыбалась сквозь ветви деревьев и освещала лес, чтобы Ониата не скучала по костру своего жилища, когда она спала. Когда она отдыхала у прозрачных ручьев, она прижимала к груди цветы, покрывавшие берега, и вдыхала в их лица любовь, которую она испытывала к своим темнокожим сестрам и своему дому. Аромат ее любви наполнял их сердца, и с тех пор они свободно дарили свою любовь другим, как просила их Ониата, когда прижимала их к своим губам и целовала в своей одиночестве. Когда наступали тучи и шел дождь, Ониата укрывалась под густыми ветвями деревьев, а когда дождь прекращался, она срывала ветви,

прижималась к ним щекой и благодарила их за их доброту. Деревья научились нежности от девушки, и с тех пор их цветы распространяют в воздухе свой благодарный аромат.

Прошло много лун. Темные девушки снова были ухаживаемы молодыми храбрецами, а жены воинов были счастливы возвращением своих мужей. Наступила зима и накрыла землю белым облаком, а морозы заперли реки в ледяные тюрьмы. Но Ониата не пришла в дом своего народа.

Великий Тиогауа оплакивал свою дочь в своем одиноком вигваме, и его сердце пело песню о ее смерти « », когда он сидел перед камином, в котором не горел огонь, и склонил голову в скорбном молчании.

Теплые ветры снова пришли, и молодые мужчины и девушки вновь наполняли леса своими песнями о любви, а смехом воспевали своих спутников. Тиогауа видел все это, но его сердце было тяжелым, и у него не было слов для совета у костра, не было сил для охоты. Он покинул свой народ и ушел по тропе, по которой ушла Ониата. Куда бы он ни шел, дикие цветы поднимали свои головы и говорили ему, что их поцеловала Ониата, и великий Тиогауа падал рядом с ними и вдыхал аромат ее дыхания. Когда на них опустилась роса и дождь, он снова увидел красоту ее глаз, и нежные песни мягкого ветра, дующего сквозь деревья, которые укрывали Ониату и чувствовали ласковое прикосновение ее объятий, сказали великому Тиогауге, что свет его вигвама ждет его прихода в долгий дом.

ЗЕРКАЛО В ВОДЕ

КОГДА Великий Дух сотворил землю и поместил воду в глубокие долины, образовав озера, и соорудил источники в горах, образовав ручьи и реки, он не наделил воду силой показывать на ее поверхности лица своих детей или заставлять деревья казаться растущими так, что их ветви уходят глубоко в землю. В течение многих тысяч летних периодов младшую сестру солнца никто не видел далеко внизу, на дне озера, ночью, и много раз молодые люди старели и умирали, прежде чем солнце успевало увидеть себя в реке, воины могли нанести свою боевую раскраску у глубокого лесного пруда, или девушки заплетали свои косы, и их улыбающиеся лица отражались в веселом ручье, который протекал рядом с вигвамами.

Тогда краснокожие жили вместе мирно и счастливо на берегу великой реки. Однажды молодые охотники поспешно вернулись домой с погони и сообщили о появлении множества странных людей из-за реки. Они сказали, что странные люди несли луки вдвое выше, чем у самого высокого вождя, известного в мирных племенах, или держали в руках ветви деревьев, к которым были прикреплены заостренные камни большого размера. Собрались вожди и мудрецы, и были разосланы разведчики и бегуны, чтобы посмотреть, не были ли молодые охотники обмануты злыми духами леса. Но у молодых охотников не двоилось в глазах, и странных воинов было столько же, сколько камешков на берегу реки. Сердца краснокожих наполнились страхом, ибо они не знали тогда, как сражаться с таким

количеством людей, и сахемы поднялись от костра совета и отправились в пещеру в скалах, где с ними беседовал Великий Дух. Великий Дух сказал своим детям, что он будет заботиться о них и защищать от чужеземных воинов, и он велел людям не бояться, а повиноваться трем отцам и хранителям огня нации. Когда наступила ночь, отцы велели мужчинам и женщинам развести много костров на берегу реки, и когда костры были разведены, краснокожих охватил страх, когда они увидели, что глубоко в воде горит по огню для каждого костра на берегу.

Странные воины тоже увидели эти огни в воде, и они испугались и не осмелились перейти реку ночью, чтобы уничтожить их. Но с наступлением утра странные воины снова набрались храбрости и нырнули в реку, чтобы доплыть до берега, где обитали дети Великого Духа. Тогда Великий Дух освободил духов бури, и они бросились вниз с горы к реке, а когда он позвал их обратно, странных воинов нигде не было видно. Затем краснокожие отправились в путь на своих каноэ, и вода в реке стала чистой и белой. Они посмотрели вниз и увидели сначала свои собственные лица, а над ними улыбающееся лицо Великого Духа; а затем, глубоко в воде, они увидели тела странных людей, которые пришли, чтобы уничтожить их.

Вода больше никогда не менялась, ибо Великий Дух увидел, что это доставляет удовольствие его детям, и тогда он полюбил своих детей.

КАНЮК ПРИКРЫВАЕТ

Вначале птицы были созданы голыми, но из-за их неправильной формы тел и длинных ног им было стыдно, и они продолжали прятаться. В то время их горло не было устроено так, чтобы они могли петь. Долгое время спустя они учились своей музыке по падающему дождю и свистящему ветру. Но они могли говорить и громкими голосами оплакивали свою судьбу. Наконец, единодушно они начали плакать и кричать так громко, как только могли, прося, чтобы их накрыли. Вслед за этим Великий Дух послал им известие, что все их платья готовы, но у него нет времени прийти и убедиться, что они должным образом подогнаны. Если им требовалась одежда, они должны были либо пойти сами, либо отправить ее в определенное место, расположенное далеко отсюда, где они могли бы найти одежду.

Было проведено голосование за посыльного, и был выбран канюк-индюк, потому что он был таким сильным и выносливым. Он с гордостью приступил к выполнению своей миссии, но расстояние было настолько велико, что он чуть не умер с голоду, прежде чем добрался до места назначения, и, вопреки своим привычкам в те дни, он был вынужден питаться падалью, чтобы поддерживать жизнь. Наконец он пришел в назначенное место и обнаружил, что одеяния готовы. В награду за проделанное путешествие канюк получил право первого выбора одежды. Он сразу же выбрал самое красивое из всех, но, примерив его, обнаружил, что не может хорошо летать с таким количеством длинных перьев, и поэтому отложил платье в сторону и примерил другие. Одно, как он опасался, слишком легко

испачкается; другое было недостаточно теплым, чтобы удовлетворить его вкус; третье было слишком светлого цвета и делало его слишком заметным; четвертое состояло из слишком большого количества кусочков и потребовало бы слишком много его времени на уход за ним. Так он переходил от одного к другому, находя в каждом какой-нибудь недостаток, пока не остался только один костюм, самый простой из всех. Поскольку канюку было категорически запрещено примерять любое из покрывал более одного раза, у него оставался только один выбор, и он должен был либо надеть простой, домашний, грубый костюм, который он с тех пор носит, либо ходить голым.

Часто, когда птицы совещаются в лесу, они довольно резко разговаривают с канюком за его нечистые привычки. Он никогда не упускает случая возразить, что его предок приобрел их, оказывая большую услугу другим, и завершает дискуссию, напоминая им, что у них нет особых причин быть тщеславными, поскольку у него был выбор из всех покровов для птиц, и он выбрал тот, который понравился ему больше всего.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФИАЛКИ

За много лун до того, как белый человек пришел на землю его отцов, жил храбрый индеец, который был гордостью всех мужчин востока. Хотя он был молод, среди своего народа его слово было законом, и к его советам старшие вожди прислушивались с большим вниманием. Трижды он оказывал своим людям услугу, которую они никогда не могли забыть. Однажды большая цапля, которая долгое время охотилась на детей племени, упала, пронзенная в самое сердце стрелой из его лука. Он отправился один, без оружия, в многодневное путешествие без еды к горе, где обитали ведьмы, и принес из целебных пещер корни, которые излечили его народ от чумы. Третья великая услуга была оказана, когда он повел отряд воинов против их врагов через горы и вернулся с победой. Но в этом путешествии молодой воин увидел девушку, которую полюбил, и захотел заполучить ее в свой вигвам. Девушка жила среди племени, которое испытало на себе тяжесть удара молодого вождя, и война между ними помешала ему купить ее с помощью игл птицы вампум, как он мог бы сделать, если бы она была одной из его соплеменников. И все же, подумал молодой вождь, если бы он не смог осветить свой вигвам сиянием девичьих глаз, его сердце больше не было бы храбрым, и он не смог бы повести своих молодых людей в бой. Много лун он прятался в лесу недалеко от деревни своих врагов, терпеливо высматривая девушку, чьи глаза смягчили его сердце. Он так часто пел хвалу своему любимому человеку птицам, сидя на корточках возле их гнезд на ветвях деревьев, что они подхватили его песню и понесли ее с собой в своем полете над равнинами и долинами. Медведь, лиса и бобр так часто слышали похвалу девушке, которую молодой вождь шептал во сне, что им показалось, будто в лесах расцвел новый цветок, более лучезарный, чем все, что они когда-либо видели.

Наконец бдительность и ожидание молодого вождя были вознаграждены, ибо однажды девушка забрела в лес. Криками певчих птиц и восхвалениями ее он заманил ее далеко от дома, а затем схватил и унес в сторону охотничьих угодий и деревни своего народа. За девушкой следили ревнивые глаза молодого храбреца, который был ее поклонником, но он был труслив, и когда он увидел, как ее быстро уносят на плечах страшного вождя, он не осмелился последовать за ней, а быстро побежал обратно в деревню, чтобы поднять тревогу. Храбрецы передали его в руки женщин, потому что он был трусом, и быстро пустились в погоню за девушкой и ее похитителем. Всю ночь они следовали за ними по скалистым горам и темным лесам. Утром они настигли их и пришли в ярость, когда увидели, что девушка была добровольной пленницей, ибо она отдала свое сердце сильному молодому вождю, зная, что он храбр и любит ее. В знак своей готовности пойти с ним, она заплела ему на шею свои косы, как это было принято у них в знак вступления в брак. Разъяренные на своего врага за его смелость и на девушку за то, что она бросила свой народ, преследующие воины убили их обоих на месте и оставили их тела там, где они упали — огромные косы девушки обвивали шею ее возлюбленного.

Из этого места выросли фиалки; и ветры и птицы разнесли семена маленьких цветочков по всему миру, во все страны, где мужчины отваживаются, а девушки любят, чтобы индейцы всех веков знали, что Великий Дух всегда воздвигнет памятник истинной любви и храбрости.

КЛАН ЧЕРЕПАХ

КОГДА Великий Дух создал черепах, он дал им огромное озеро, в котором они могли жить и около которого им никогда не будут досаждать ни животные, ни люди. Но черепахи не были удовлетворены формой озера и придирались к твердому, каменистому дну и прозрачной воде. Поэтому они принялись за работу, чтобы собрать всю грязь, которую смогли найти на окружающих его равнинах, и разложить груды рыхлой почвы по дну озера, где они привыкли лежать. Так много из них продолжили эту работу, что озеро в конце концов наполнилось илом и обмелело настолько, что в одно особенно жаркое лето оно было совершенно сухим. Тогда черепахи посоветовались и решили, что единственный оставшийся им выход - это отправиться на поиски места, где есть хорошая вода. Один из них, особенно мудрый и сообразительный старик, убеждал своих братьев сначала выбрать какой-то определенный курс, которому следует следовать, а затем во что бы то ни стало оставаться вместе. Он сказал: "Если мы сделаем это, мы не только будем точно знать, куда идем, но и сможем помочь друг другу. Нас очень много, и если какой-нибудь враг нападет на нас, мы сможем вместе отразить атаку, потому что с нашими каменными спинами и острыми челюстями мы хорошо вооружены для битвы. Позвольте мне сказать вам, братья мои, что мир полон опасностей, и если мы не объединимся и не поддержим друг друга, мы будем рассеяны и потеряем свое положение как нация".

С этим мудрым советом черепахи, по-видимому, согласились, но каждая из них хотела удостоиться чести представить план, которому следовало следовать, и каждая также хотела отличаться тем, что была выбрана руководить своими собратьями. Мудрая старая черепаха приложила все усилия к примирению и предложила несколько планов, любой из которых, будь он принят, сделал бы черепах великой и могущественной нацией, но они так и не смогли прийти к соглашению. Наконец суматоха стала такой сильной, что голос мудрой черепахи потонул в общем шуме, и он был бессилен что-либо еще посоветовать своим товарищам. В конце концов, каждая черепаха отправилась в путь самостоятельно, вынужденная следовать своим собственным склонностям, как черепахи поступают с тех пор. Мудрая черепаха очень рассердилась на этот глупый поступок. "Глупцы!" он воскликнул: "Мне стыдно, что меня причисляют к черепашьей расе, и хотя в память о предках, которых я чту, я всегда буду носить на своей груди изображение черепахи, отныне я не буду черепахой".

Огромным усилием он сбросил панцирь со спины и прыгнул вперед, полностью вооруженный и раскрашенный воин. Черепахи были ужасно напуганы и убежали так быстро, как только могли. С того дня они стали странниками.

Мудрая черепаха стала прародительницей клана черепах. Он учил своих детей тщательно обдумывать все важные вопросы; уделять внимание и тщательно обдумывать советы старших; и работать в единстве во всем, за что бы они ни брались.

ЦЕЛЕБНЫЕ ВОДЫ

НЕКУМОНТА, самый сильный и храбрый вождь могавков, в одиночестве и молчании бродил по первобытному лесу. Гигантские сосны хмуро взирали на него сверху вниз; мох, потемневший и промокший от дождя на кленах, лишь мрачно приветствовал его; низкие буки касались его встревоженного лица, и, когда он проходил под ними, с их обледенелых ветвей падал ледяной дождь. Поперек его пути в угрюмом гневе прокралась рычащая пантера; испуганный кролик умчался в свое гнездо под распростертым бревном; его брат медведь отвернулся и с грустью посмотрел на встревоженное лицо Некумонты, когда тот поспешил вперед в быстро сгущающейся темноте. Во всем лесу не было ни одного доброго зрелища, которое утешило бы сильного и храброго вождя могавков, чьи шаги были тяжелы от усталости, а сердце отягощено печалью.

Все безрадостные, ужасные месяцы снегов и морозов в деревне могавков свирепствовала чума. Много дней и ночей пели песню смерти мужчинам, женщинам и детям. Мало кого не коснулась ужасная болезнь, и знахари племени давным-давно израсходовали последние запасы трав, которые они использовали, чтобы обращать злых духов в бегство. Сильный и храбрый Некумонта и светоч его вигвама Шейневис много раз наблюдали, как гаснут огни

жизни. Они знали, что Счастливые Охотничьи Угодья звенели от криков и смеха их братьев и сестер; они посылали им послания через духов-эхоистов и говорили им ждать их прихода; но они были опечалены, потому что их братья и сестры отправились в долгое путешествие. Дом могавков был полон радости, когда охотники и женщины, юноши, девушки и дети вместе работали на полях, выращивая кукурузу, или собирались ночью у костра и слушали легенды, рассказываемые стариками.

Наконец налетели мягкие ветры, и их нежные песни прогнали холод и тьму из долины. С их первыми нотами пришла надежда — надежда на то, что, когда ужасная зима придет в его дом на севере, чума тоже покинет деревню.

Тогда сердце Некумонта замерло, ибо Шейневис, светоч его вигвама, была поражена, и со своего ложа из мехов она печально улыбнулась и прошептала: "Шейневис должна сражаться со злыми духами. Она не хотела покидать Некумонта, сильную и храбрую из племени ирокезов, но ее братья и сестры вызывают к ней из своего давнего дома".

На мгновение Некумонта выпрямился, в то время как по его лицу пробежала тень отчаяния. Как усталый охотник теряет контроль над своим каноэ и видит под собой стремнины, которые в страшной ярости играют со своей жертвой, прежде чем швырнуть ее в пропасть смерти; или как воин, который с растущими надеждами долгое время противостоял своим врагам, увидит, что их подкрепление придет, когда его рука потеряет свою силу, так и на Некумонта пришло осознание того, что борьба еще впереди. Но его храброе сердце не дрогнуло, и, склонившись над дрожащим телом своей любимой Шейнуис, он сказал:

Шейнвис будет жить. Пусть она сражается со злыми духами и скажет своим братьям и сестрам, которые вызывают к ней, что она не сможет вернуться в свой длинный дом еще много лун. Некумонта сказал это. Он найдет целебные лозы Великого Духа, и Шейневис будет жить.

Одеяние, прикрывавшее вход в вигвам, было отброшено в сторону, и вождь могавков поспешил прочь в лес.

Во многих местах снег еще не растаял. Корни были скованы морозом в своих ложах, а лекарственные травы еще не пробудились ото сна. Бега по открытым полям, тревожно оглядываясь среди скал, ползая под поваленными деревьями, в отчаянии спеша по бесплодным холмам, переплывая вздувшиеся ручьи и речки, проносясь вдоль берегов наполовину замерзших озер, проникая во мрак неприступных лесов, не останавливаясь ни для отдыха, ни для еды, Некумонта искал, повторяя снова и снова, пока леса и поля не наполнились словами: "Шейнис будет жить! Некумонта найдет целебные лозы Великого Духа, и Шейневис будет жить!"

Прошло три солнца с тех пор, как он покинул свой вигвам, а его утомительные поиски все еще были напрасны. Куда бы он ни посмотрел, везде были только мертвые листья и увядшие виноградные лозы. Когда наступила темнота и он больше ничего не мог видеть, встревоженный искатель на четвереньках полз вперед всю ночь, надеясь, что его острый нюх обнаружит то, чего его зрение не смогло обнаружить днем. На закате третьего солнца, спотыкаясь в сгущающейся темноте, Некумонта в изнеможении опустился на землю, и Великий Дух сморил его сном.

Затем пришел бог снов, и Некумонта увидел Шейневис, лежащую без сна на своем меховом ложе, и услышал, как она нежно зовет его по имени. Он видел, что чума бежит по ее венам, как пожары, охватившие лес, когда шелестящие листья толстым слоем ложатся на землю. Затем он увидел, как она прокралась к двери вигвама и откинула халат, защищавший от холодного ветра. Она долго и пристально вглядывалась в темноту, призывая его поспешить к ней. Он потянулся вперед, чтобы заключить ее в объятия, и видение исчезло. Теперь он был в своем каноэ, которое насмешливые духи чумы гнали вниз по реке, и они смеялись и издевательски кричали, когда он пытался поймать лекарственные растения, которые в большом изобилии росли по берегам. И снова он был со своей любимой Шейнис на кукурузных полях, наполняя большие корзины жареными початками, чтобы отнести их к кострам, где краснокожие люди танцевали и пели в честь созревания урожая. Затем голоса певцов сменились низкими и журчащими звуками, которые, наконец, стали более отчетливыми, пока Некумонта не услышал слова:

"Сильный и храбрый вождь ирокезов, мы - целебные воды Великого Духа. Забери нас из нашей тюрьмы, и твой любимый Шейнуис будет жить".

Пробудившись ото сна, как стрела из лука, Некумонта сбросил с себя бога сновидений и встал в первых лучах света перед улыбающимся лицом Великого Духа, когда тот вышел из своего вигвама, чтобы открыть новый день. Его взгляд быстро заметался из стороны в сторону, тщетно обыскивая каждое дерево и куст, каждый камень в поисках свидетельства присутствия кого-то, кто мог бы произнести слова, прозвучавшие так отчетливо, что они, должно быть, были чем-то большим, чем эхо сна. Опытный глаз и ухо охотника не могли обнаружить в лесу ничего необычного, хотя все его способности были начеку, каждый нерв напряжен до предела. С грустью и потерей надежды он расслабился и тяжелыми шагами направился к холмам.

И все же он не мог уйти. Что-то заставило его вернуться к небольшой прогалине в лесу, и когда он добрался до того места, где упал в темноте прошлой ночью, он внезапно наклонился и приложил ухо к земле.

Что заставило Некумонта вскочить на ноги с торжествующим криком, который разнесся над холмами подобно крику множества воинов? Что в одно мгновение превратило безнадежное, удрученное существо, склонившееся к земле, в настороженное существо, на теле которого выступали затвердевшие сухожилия в стремлении израсходовать свою сдерживаемую силу? Слабо, но отчетливо он снова услышал бормочущие голоса:

"Сильный и храбрый вождь ирокезов, вот целебные воды Великого Духа. Забери нас из нашей тюрьмы, и твой любимый Шейнуис будет жить".

Прыжком, подобным прыжку пантеры, Некумонта вспрыгнул на склон холма и, оторвав от ствола крепкого ясеня, поваленного ударом молнии, огрубевшие ветви, с триумфом понес их в долину. Он помчался назад со скоростью ветра и вырыл из податливой почвы охапки камней с острыми краями, которые торопливыми шагами понес туда, где ему открылось обещание более великое, чем Счастливые Охотничьи Угодья. Он не останавливался ни на минуту, но крик "Шейнвис! Шейнвис! Шейнвис!" почти постоянно был у него на губах.

Улыбающееся лицо Великого Духа поднималось все выше по пути, по которому он шел в течение дня, и смотрело вниз с вершин холмов на трудящегося Некумонта. Загоняя заглубевшие ветви ясеня глубоко в землю, он вырвал из их зарослей огромные котелки, которые мешали его продвижению и образовали тюрьму целебных вод. Острыми камнями он взрыл твердую землю и ободранными и кровоточащими руками выбросил грубую почву из котлована. Подобно самому воплощению бога, бесстрашный дух трудился — никогда не отдыхая, никогда не утомляясь, никогда не останавливаясь, за исключением долгих промежутков времени, когда он склонял ухо к земле. Каждый раз он слышал голоса, становившиеся все громче и громче и снова повторявшие обещание, которое придавало ему энергию, способную разорвать землю на части, если бы она отказалась отдать свое животворящее сокровище за свет его вигвама.

Когда улыбающееся лицо Великого Духа достигло середины своего пути и снова повернулось к двери его великого жилища, неутомимый Некумонта выскочил на край раскопок с новыми криками радости и триумфа, и лес огласился смехом и песнями, возвещающими, что заточающий барьер был сломан. Сверкающие, целебные воды слышали приветственные голоса в лесу и, вырвавшись из своей темной тюрьмы, заполнили все места, которые труженик вырыл в земле, а затем весело побежали по долине, освещенной солнечным светом.

Некумонта омыл свои покрытые синяками руки и пылающее лицо в благодатной воде, а затем поспешил прочь в лес. Он бежал все дальше и дальше, ступая так легко, что опавшие листья едва ощущали его прикосновение, и с силой, которая вызывала презрение ветра. Его путь лежал прямо через лес к глинистым берегам, куда его народ приходил в полнолуние опадающих листьев и мастерил сосуды, в которых готовил кукурузу и оленину. Здесь его энергия зародилась заново, и с удивительным по своей ловкости мастерством он смастерил кувшин для хранения целебной воды. Из тайника он достал огненный камень, а запас веток, собранных стариками и детьми в последнюю луну опадающих листьев, обеспечил его запасом топлива. Когда улыбающееся лицо Великого Духа вошло в дверь его вигвама на западе, Некумонта извлек из тлеющих углей совершенный результат своей работы.

* * * * *

Теплые ветры, наполненные надеждой и утешением, мягко прокрадывались по лесу и радостно пели о приближении зимы. Жизнь снова вернулась в раскачивающиеся ветви деревьев, и первые крики малиновок и синих птиц наполнили воздух сладостью, по которой он так долго тосковал. Над домом могавков, деревней, где изможденная фигура ужасной чумы наслаждалась танцем смерти в течение долгих зимних лун, наступил второй день весны.

Внезапно воздух наполнился торжествующим криком. Сердца усталых наблюдателей замерли в напряжении, опасаясь, что злые ведьмы снова вернулись, чтобы насмеяться над ними за их беспомощность. Пораженные чумой очнулись от своего беспокойного сна и жалобно позвали Манито. И снова раздался крик — более громкий, ясный, торжествующий — победный клич сильного и отважного Некумонта.

Высоко держа в руках сосуд с целебной водой, Некумонта вырвался из густой серости леса подобно потоку солнечного света и побежал легкими, как сами теплые ветры, шагами к темному домику своей любимой Шейневис. Мягким мхом, который он собрал на берегах

ручьев, он успокоил ее разгоряченное тело, а глоток благодарной целебной воды вернул ей здоровье.

Так возлюбленная Шейнуис вернулась с самой границы Счастливых Охотничьих Угодий в свой дом к могавкам.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АЛИКИПИСО

БЕДА пришла в деревню онейдас. С севера банда краснокожих, послушавшихся злых духов, напала на мирную деревню и, с убийством и грабежом в сердце, сеяла вокруг себя разрушения, подобные диким лесным пожарам. Дома онейд были покинуты и пришли в запустение, а женщин и детей поспешили увести в скалы и холмы в поисках убежища, и их охраняли воины. В течение многих дней и ночей нападавшая сторона тщетно пыталась напасть на след людей, которых они изгнали из своих домов. Великий Дух простер свои руки над лесом, и следы онейд не были обнаружены дикими мингами.

Но онейды были почти без пищи, и по верхушкам деревьев и по склону почти неприступной скалы к их убежищу пришли голод и смерть. Воины и сахемы долго сидели на совете, но их глаза были тяжелыми, и они не могли найти пути, который вывел бы их из беды. Попытка сбежать из своего убежища подвергла бы их плену и рабству в руках врагов. Остаться там, где они были, означало голод и смерть.

Затем маленькая девушка, Аликиписо, пришла к воинам и сахемам и рассказала, как добрые духи пришли к ней, спящей под деревьями, и показали ей, где со стороны высокого утеса, на котором прятались ее соплеменники, огромные камни можно было скатить в долину внизу таким образом, чтобы повалить там сами деревья. Добрые духи также сказали ей привести врагов Онейд к этому месту и повелели ей отправиться на задание, чтобы она могла избавить свой народ от опасности. Воины и сахемы с удивлением слушали развитие плана, и когда Аликиписо закончила, вождь достал богатые нити белого вампума и надел их ей на шею, сказав, что она принцесса всего народа и возлюбленная Великого Духа. Когда наступила ночь, маленькая девушка тихо и без колебаний покинула свой народ и исчезла в темноте.

Утром бдительные разведчики мингов обнаружили маленькую девочку, которая бродила по лесу, как будто заблудившись. Они поспешили с ней в разрушенную деревню, где она была так счастлива со своими товарищами, и сразу же начали пытаться ее, надеясь выпытать тайну убежища ее народа. С силой духа, которая вызвала восхищение ее похитителей, Аликиписо долгое время сопротивлялась пыткам, но в конце концов сказала жестоким мучителям, что, когда наступит темнота, она приведет их к тайнику Онейд.

Снова наступила ночь, и ликующие минго отправились по тропе, которая, как они верили, приведет их к лагерю онейд. Аликиписо шла впереди, но она оказалась в руках сильных воинов, которые были готовы с оружием наготове лишить ее жизни при первых признаках предательства. По множеству тропинок и извилин, медленно и ловко, крались минги, пока не оказались у нависающего гранитного обрыва. Затем Аликиписо подала знак воинам сомкнуться вокруг нее, как будто она собиралась откатить огромную горную стену и показать им тех, кого они преследовали. Когда они столпились рядом с ней, она внезапно издала пронзительный предостерегающий крик — сигнал смерти. Она знала, что над ними бессонные часовые умирающей от голода Онейды держат на краю пропасти огромные котлы.

Ее похитители едва успели безжизненно повалить ее на землю, как камни со страшной силой обрушились вниз по склону горы, подхватывая и раздавливая попавших в ловушку воинов, как червей под ногой могучего великана.

Аликиписо, отважную деву Онейд, ее народ оплакивал много солнц. Великий Дух превратил ее волосы в древесную колючку, которую краснокожие люди называли "бегущие

волосы", и послал ее по земле в качестве защитника старых деревьев. Из ее тела вытекла жимолость, которая была известна индейцам как "кровь храбрых женщин".

ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ

Это было давным-давно, так давно, что в книгах белых людей невозможно определить время, когда все звери в лесу умели разговаривать с краснокожими. Было время, когда животные приходили к великим кострам совета и делились с индейцами знаниями, которыми они обладали о лесах и ручьях. Мудрый бобр научил индейских женщин и детей, где ловить в силки щуку и лосося и как строить дома, защищающие от дождя и морозов. Медведь и волк вывели храбрецов на равнины и через леса и научили их умению идти по следу. Собака своим терпеливым примером научила краснокожих такту и силе наблюдать много солнц без усталости. У енота краснокожие научились взбираться на стволы самых больших деревьев. Лошадь общалась с индейцами на равнинах и показала им секрет быстрого бега. Пантера научила их прятаться в чаще, на ветвях нависающего дерева или за выступом скалы и бросаться на своих врагов подобно внезапному порыву вихря.

Таким образом, краснокожие люди брали уроки у каждого лесного зверя, а когда они закончили все остальные уроки, лиса увела их далеко в лес и научила хитрости, необходимой, чтобы использовать каждого из них. Так они жили, пока много раз приходили лето и зима, и были счастливы.

Но пришло время, когда животные увидели, что краснокожий человек - их хозяин. Он обладал мудростью бобра, острым нюхом медведя и волка, терпением и верностью собаки, проворством енота, скоростью и выносливостью лошади, пружинистостью пантеры и хитростью лисы.

Часто бобр с удивлением обнаруживал, что индейские мальчики и женщины не удовлетворились рыбной ловлей в тех местах, которые он им указал, а ушли к ручьям, которые он надеялся сохранить для себя. Более того, они с завистью смотрели на его теплую меховую шубу, и он опасался, что она может понадобиться им для укрытия. Их дома были построены с еще большим мастерством, чем его собственные, а поскольку они научились мастерить лодки из деревьев, которые он срубил для них, и сделали для них весла в форме его хвоста, они могли переплывать озеро или плыть по реке быстрее, чем он когда-либо мог надеяться. И бобр опечалился, потому что он научил индейцев мудрости.

Медведь и волк, бродя по лесу, часто видели индейцев, идущих по тропе далеко в лес. В то же время индейцы так хитро замаскировали свой собственный след, что волк взвыл от ярости, когда попытался последовать за краснокожими, а медведь стал угрюмым и удалился в свое логово в скалах. Обладая острым нюхом, который натренировал медведь, индейцы искали деревья, где пчелы хранили свой мед, и таким образом у него отняли большую часть еды, которую он любил больше всего. Волк услышал, как молодой храбрец пообещал

девушке, что если она захочет жить в его вигваме, то будет отдыхать на ложе из волчьих шкур и будет покрыта теплым мехом медведя. Поэтому волк и медведь отвели своих малышей в темные пещеры и держались подальше от домов краснокожих.

Пес тоже обнаружил, что ему больше не оказывают первых почестей за верность на страже. Но он не был разгневан сознанием того, что его брат может соперничать с ним, а провел с ним много ночей на страже в пустыне, соперничая с ним в бдительности. Когда их долгие бдения заканчивались, собака и индеец играли вместе и веселились друг с другом над результатом своего дружеского состязания.

Пантера была ревнива и в ярости носилась по лесам. Иногда, к его удивлению и гневу, когда он принимал все меры предосторожности, чтобы спрятаться от своего брата, краснокожего человека, ветви молодых деревьев раздвигались так бесшумно, словно их колыхало дыхание лета, и между ними появлялся его краснокожий брат, смеющийся над ним за то, что он так плохо прячется.

Когда енот достигал высшей точки, на которую он отваживался взобраться, индейские мальчишки с криками смеха следовали за ним и забирались еще дальше, к концам качающихся и гнутых ветвей, повисая на них таким опасным и безрассудным образом, что у старого енота кружилась голова, и он уходил в горы один.

Индейцы так тщательно усвоили свои уроки обращения с лошадью и практиковались в них с таким терпением, что в конце концов это животное обнаружило, что больше не может играть, когда они устраивали скачки на равнинах. Но ему нравились состязания со своими краснокожими братьями, и когда они возвращались в деревню, он следовал за ними, а индейские девушки садились ему на спину и гордо ехали к костру совета.

Лис был очень огорчен, обнаружив, что его хитрость и уловки не уступали со стороны его рыжих братьев другим столь же хитрым людям. Независимо от того, насколько тщательно он скрывал свой след - хотя бы он шел по руслам ручьев или огибал горы, пока почти не потерял свою собственную тропу, — индейцы выслеживали его на всех извилинах. Когда он попытался ввести их в заблуждение хитроумными рассказами, они посмеялись над его обманом и опозорили его перед друзьями и соседями.

Так случилось, что индейцы обладали знаниями обо всех животных. Они могли идти по следу с запахом медведя или волка; строить более мудро, чем бобр; карабкаться более отважно, чем енот; наблюдать более преданно, чем собака; пригибаться ближе и прыгать увереннее, чем пантера; мчаться по равнинам так же быстро, как лошадь, и перехитрить хитрость лисы.

Тогда животные устроили совет, но костер не был зажжен на его обычном месте, и краснокожие погрузились в тяжелый сон, пока их лесные братья разговаривали.

Ревнивый волк открыл дискуссию и заявил, что, когда он внимательно рассмотрел все стороны существующего положения дел, он увидел, что животным остается следовать только одному пути. Они должны ворваться в деревни и убить всех индейцев, их женщин и папузов.

Медведь был более благороден и сказал, что, по его мнению, это предложение несправедливо. Однако он заявил, что животные больше не могли стоять спокойно и без страха смотреть на грозящие им опасности. Их долгом было вызвать индейцев на открытую войну.

Бобр утверждал, что лучшим способом было бы дожидаться ледяных порывов ветра, а затем ночью снести дома, которые индейцы построили, чтобы защитить себя и своих малышей от холода. Зимние бури, сказал бобр, очень скоро приведут этих умных парней в такое состояние, что они будут достаточно встревожены, чтобы прийти к каким-то условиям, выгодным для животных.

Лошадь сказала, что было бы неправильно причинять индейцам боль или смерть. Индейцы были неплохими соседями, хотя, возможно, немного чересчур ловкими и умными для остальных из них. В течение многих лет, сказал конь, его предки и краснокожие люди были в наилучших отношениях — даже малейшая неприятность не нарушила их отношений. Он ни на мгновение не мог подумать о том, чтобы принять участие в каком-либо плане, согласно которому он был бы призван помочь лишить жизни своего брата или причинить ему боль. Он слышал, что далеко за великими горами есть приятная страна — не такая приятная и плодородная, как та, в которой они сейчас жили, но вполне подходящее место для жизни. Поэтому он предложил бы, чтобы животные пригласили индейцев отправиться туда в большую экспедицию по сбору урожая, и когда краснокожие люди благополучно перейдут горы, животные могли бы ночью улизнуть и вернуться в свои любимые дома. Пантера насмеялась над лошадью за то, что она выдвинула то, что он с удовольствием назвал глупым и бессмысленным планом. Бобр, по словам пантеры, тоже был настроен слишком снисходительно. Индейцев следовало опасаться, и если животные хотели сохранить хоть какую-то часть своей свободы и независимости, они должны были следовать советам волка. Только полное истребление индейской расы могло гарантировать их от дальнейшего преследования со стороны краснокожих. Что хорошего было бы, в самом деле, заманить краснокожих за горы, а потом убегать от них? Думал ли конь, что индейцы заставляют больных нянек или женщин лежать на больших равнинах за горами и не прилагать никаких усилий, чтобы вернуться к своим любимым ручьям, озерам и лесам? Да ведь индейцы вернутся так быстро, как только сможет сам конь, и тогда сама земля станет красной от крови тех, кто заманил их подальше от домов, которые на протяжении поколений пользовались у индейцев таким большим почтением. Он выступал за немедленное наступление на деревни и никому не давал пощады.

Все взгляды были обращены к еноту, когда он поднялся, чтобы заговорить, потому что его семья была очень древней и долгое время пользовалась большим уважением у всех обитателей леса. Он сказал, что не может встать на сторону пантеры, поскольку индейцы никогда не причиняли ему большого вреда. Однако он был убежден, что стране следует избавиться от них, поскольку они становились слишком искусными в лесном ремесле. По словам енота, слишком большая власть в руках одного человека может вызвать неприятности у тех, с кем он живет. Он одобрил план, предложенный бобром. Они могли бы тщательно продумать свои планы и таким образом заключить договор, который удерживал бы индейцев в надлежащих рамках.

Лис был уверен, что лучшим планом для животных было бы подвергнуть себя его дрессировке. Он научит их обманывать и воровать, притворяясь другом. Тогда они могли бы легко очистить поля красных людей от кукурузы, которая была посеяна на зиму. Они могли бы снять со своих причалов на берегах реки лодки и рыболовные сети из коры и уплыть на них далеко вниз по течению, где они затерялись бы в стремнинах. Таким образом, они могли бы вскоре заполучить индейцев в свою власть и добиться заключения договора по плану, предложенному бобром и поддержанному енотом. План, продолжал он, не представлял для них никакой опасности, как и состязания, предложенные пантерой и волком; и он думал, что зрелое обдумывание убедит всех, что это лучший вариант для принятия.

Пес сказал, что до настоящего времени он так и не понял, что значит быть зверем. Ему было стыдно думать, что он был достаточно слаб, чтобы его уговорили присутствовать на совете, на который их краснокожие братья не были приглашены. Это противоречило обычаю, существовавшему с тех пор, как Великий Дух впервые послал их в эту прекрасную страну. Он ожидал, что все они будут наказаны за такое предательство, и действительно, так и должно было быть. Индейцы до сих пор относились к ним только с добротой и уважением. Много раз зимой, когда на земле лежал такой глубокий снег, что невозможно было найти пищу, индейцы открывали свои жилища для животных, которые не сделали подходящих запасов пищи, кормили их и спасали от голодной смерти. "Никогда еще не было такого времени, - сказал пес, оглядывая круг слушателей и ожидая опровержения своего утверждения, - когда какой-либо индеец отказывал в крове, пище или помощи нуждающемуся, больному или страдающему животному". Конечно, индейцы приобрели все знания, которыми обладали животные, но их поступок никоим образом не привел к обеднению животных. Поскольку они ничего от этого не потеряли, он не видел причин, по которым они должны ревновать и придираться по этому поводу. Не было бы гораздо разумнее для животных воспользоваться примером, поданным индейцами, и научить друг друга различным чертам характера, которыми обладал каждый из них, чем поддаваться ревности и мести и в пылу страсти нарушить мир, существовавший столько лет? Он не мог и не хотел участвовать ни в одном из предложенных планов, и если другие животные будут упорствовать в осуществлении любого из этих жестоких и вероломных планов, он должен считать своим долгом покинуть совет и отправиться в деревню, чтобы предупредить своих спящих братьев об опасности. Более того, он будет сражаться на стороне красных людей, если это станет необходимо, и поможет им защитить свои жизни и дома от нападения любых сил, которые могут быть брошены против них.

Когда собака замолчала, волк и пантера пришли в страшную ярость. Они обвинили пса в трусости, недобросовестности, получении взятки, дезертирстве и предательстве. Они сказали, что он стал глупым из-за похвал, которыми его осыпали индийские девушки. Они поносили его и показывали языки за то, что он тосковал по индийским женщинам. Они сказали, что он стал сиделкой у папузов и с тех пор ему лучше оставаться в деревнях своих новообретенных друзей и нежиться на солнышке со стариками. Они подбили его пойти в деревню и разоблачить работу совета, сказав, что, если он попытается это сделать, они нападут на него и убьют. "За жалкую и тощую корочку маисовой лепешки, слишком твердую для зубов краснокожих людей, - сказала пантера, - тебя купили, и ты отказываешься от всяких притязаний на права, которые собаки всех времен считали священными. Мы должны думать, что память о ваших предках и длинной линии благородных собак, которые жили до того, как вы пришли на землю, чтобы опозорить их, побудит вас действовать во имя чести вашей расы".

"Нет, - сказал волк, - он не помнит ничего, кроме нежных ласк индианок к его голове. На днях я видел его лежащим у ног Гаревиис, дочери вождя Теганагенов, и когда он поднял глаза и посмотрел на нее, она обхватила его голову руками и прижалась к нему щекой, все время поглаживая его по спине и напевая ему так, как она будет петь своим папусам, когда они придут в ее вигвам. Он не только продал себя, чтобы стать другом индейцев и спокойно сидеть рядом, пока мы в рабстве, но и томится от любви, и у него кружится голова".

Этот теплый и несдержанный язык вызвал большое замешательство и что-то вроде сенсации, хотя собака оставалась спокойной и достойной. Он никак внешне не показал, что

нецивилизованные и лживые обвинения пантеры и волка были даже услышаны, не говоря уже о том, чтобы принять во внимание.

Конь мгновенно выскочил на открытое место перед костром и обрушил на двух лжесвидетелей свое самое мощное красноречие. "Я пришел как защитник моего друга, пса", - сказал он. "Вы оскорбили и оклеветали его таким образом, который требует осуждения всех благородных животных. Он мой брат. Поскольку у нас есть некоторая разница во вкусах и я превосхождлю его ростом, это тем не менее делает его моим братом. Я люблю его, потому что он нежный, ласковый, заслуживающий доверия, благородный и храбрый. Ты, пантера, и ты, волк, хвастаетесь своей храбростью; но кто из вас осмелился броситься в горящие леса, как это сделал мой брат, пес, и привести слепую лань в безопасное место? Кто из вас осмелился нырнуть в реку, ставшую глубокой и опасной из-за тающих снегов, когда зима закончилась и налетели теплые ветры, чтобы похоронить его, когда вода вскипела и вспенилась до самых вершин высоких берегов и разлилась по равнинам, как огромное озеро, — и из гущи этого яростного наводнения благополучно вынести на берег слабого и тонущего товарища, который оступился и упал с берега? До сих пор я любил вас всех, но отныне мне будет стыдно признавать волка и пантеру своими братьями. Они, кажется, думают, что храбрость заключается в жестоком нападении и сверкающих зубах, но я могу сказать им, что она более верна в благородных поступках. Я последую за собакой в дома краснокожих, и вместе мы будем бороться против жестоких обычаев, которые вы намереваетесь ввести в действие".

Когда конь замолчал, Великий Дух внезапно подошел к костру совета и сказал, что громкие голоса спорщиков донеслись до его ушей от вестников, и он с печалью выслушал все, что было сказано. Поэтому он покинул Счастливые Охотничьи Угодья и пришел на их совет. Он был огорчен тем, что приятные отношения, существовавшие до сих пор между индейцами и животными, теперь должны быть нарушены. Когда им была дана жизнь, было сформировано намерение, что в конечном итоге все они будут жить вместе в Счастливых Охотничьих Угодьях. Теперь он был вынужден изменить свои планы. Он изменит язык своих краснокожих детей, чтобы звери никогда больше не могли разговаривать с ними. Он пойдет к своим детям в деревни и расскажет им все, что было сказано на этом тайном совете в лесу. Индейцы должны во все времена охотиться на волка и пантеру и убивать их. На них следует смотреть как на самых опасных врагов и вести с ними войну. Медведя можно считать достойным противником, и краснокожие будут готовы сразиться с ним в открытом бою, когда представится такая возможность. Краснокожие не стали бы беспокоить его или приставать к нему, но если бы он пришел и потребовал битвы, индейцы не отказались бы. Бобр и енот, из-за бессердечного плана, который они выдвинули для уничтожения своих братьев, должны считаться добычей индейца и должны уступить свои густые меха, чтобы согреть его детей. На лиса будут смотреть как на вора. Он предложил украсть еду у индейцев и довести их до нищеты; теперь он мог осуществить свое желание. Но индейцы будут предупреждены и расставят для него ловушки. Когда его поймают, его мех будет использоваться так же, как мех бобра и енота. Лошадь и собака, возможно, все еще понимают речь индейцев, но поскольку они были виновны в нарушении древнего договора, посетив совет, на который не были приглашены все участники договора, они должны понести определенное наказание, и им больше не будет разрешено говорить на индейском языке. Но они всегда должны быть защитниками и друзьями краснокожих; они должны жить в домах индейцев, присутствовать на больших пирах и фестивалях, делиться добычей своей охоты, быть любимыми и обласканными девушками и папуасами, сражаться вместе с индейцами, когда те сражались, и быть участниками побед или поражений. Одним словом,

они должны навсегда остаться товарищами и братьями индейцев здесь и в Счастливых Охотничьих Угодьях.

НЕСУЩИЕ ПОСЛАНИЕ

КОГДА Великий Дух увел краснокожих из Счастливых Охотничьих Угодий и оставил их на земле, они были полны страха, что никогда не смогут донести до него свои желания и не смогут достичь его ушей, когда захотят рассказать ему о своих радостях и печалях. Сахемы предстали перед ним и сказали: "О, Отец наш, как твои дети расскажут тебе о совершенных ими деяниях, которые порадуют твой слух? Как они пригласят тебя в свои дома, чтобы помочь им изгнать злых духов; и как они пригласят тебя на свои пиры и танцы? О, Отец наш, ты не можешь все время бодрствовать и присматривать за своими детьми, и они не будут знать, когда ты спишь. Твои дети не знают тропы к Счастливым Охотничьим Угодьям, по которой можно послать своих мудрецов и сахемов поговорить с тобой, ибо ты замел ее своими руками, и твои дети не могут ее найти. Как слова твоих детей достигнут тебя, о, наш Отец, Манито; как то, что они скажут, дойдет до твоих ушей?"

Затем Великий Дух создал для каждого из краснокожих второе "я", которому он дал дом в воздухе. Он снабдил эти существа крыльями и быстрыми ногами, чтобы они могли двигаться очень быстро. Им он открыл тайну входа в свой дом и сделал их проводниками для своих детей, которых он призвал в долгое путешествие, чтобы они не сбились с пути, ведущего к их будущему дому. Наконец, Великий Дух сказал этим воздушным созданиям, что они должны быть вестниками для его детей и передавать их слова в точности сказанными из одной точки в другую, пока они не достигнут ушей его сахемов в большом вигваме у костра совета, который никогда не гаснет. Они должны быть готовы в любое время откликнуться на призывы краснокожих, чтобы ни одно из их слов не пропало даром. Послания любимым, покинувшим землю и отправившимся в Счастливые Охотничьи Угодья, должны передаваться с такой же тщательностью, как и те, что предназначены только для его ушей. Если кто-либо из его детей произнесет праздные и неправдивые слова, они тоже должны быть повторены, чтобы их отец мог узнать, достойны ли они быть допущенными к великому огню совета.

Закончив свои наставления, Великий Дух сказал сахемам, что он возвращается в свой дом и что они могут пойти с его детьми на берег красивой реки, возле которой они жили, и там поговорить с ним.

Медленно и громким голосом главный сахем начал говорить. Ожидавший на противоположном берегу реки вестник подхватил слова сахема по мере их произнесения и сильным голосом прокричал их другому обитателю воздуха, который притаился на верхушках деревьев далеко вниз по течению реки, готовый исполнить приказание Великого

Духа. Все дальше и дальше, катясь по ущельям и долинам, перепрыгивая с вершины холма на склон горы и со склона горы на озеро, пересекая леса, становясь все слабее и еще слабее, пока не теряясь в голубой дали равнины, - весть благодарности и любви срывалась с уст благодарного сахема, пока не достигла ушей всегда слушающего и любящего отца и не была передана вождям, которые сидели при свете костра совета, который никогда не гаснет.

ДАР МУДРОГО САХЕМА

Незадолго до прихода белых людей жил мудрый сахем, который был известен как Великий Миротворец. Его жизнь была полна зим, и его разум был наполнен учениями мудрейших сахемов, которые жили до него. Он помнил то время, когда все краснокожие жили в мире, и до того, как пришли беды, которые привели их к войнам и раздорам. Вся его жизнь прошла в переходах из одной деревни в другую, проповедуя доктрину мира среди своего народа. Он рассказал краснокожим, как помогать друг другу, когда приходят злые духи и беспокоят их. Если в одной деревне был плохой урожай, он учил другие деревни, что они должны отнести еду своим братьям; если кто-то нуждался, он говорил, что те, у кого ее было в избытке, должны помочь им. Он разрешал разногласия и трудности с помощью своей логики, подавлял войны и беспорядки своими мудрыми советами и красноречием и учил мягкости своим примером. Наконец, когда он достиг возраста, превышающего возраст любого из сахемов, живших до него, он созвал свой народ и сказал им, что он должен отправиться в долгое путешествие, но что им не нужно оплакивать его, поскольку он вернется в форме, которая будет жить вечно.

Из его могилы выросло табачное растение, и в честь его памяти был установлен обычай курить трубку мира на всех мирных советах.

Когда клубящийся дым поднялся над кострами совета, краснокожие увидели в его фантастических очертаниях облик и черты Великого Миротворца. Они прислушались, и он сказал им, что соглашения, заключенные в его присутствии, священны, и если они будут нарушены, это вызовет недовольство Великого Духа. Они склонили головы, и мудрый сахем возложил на них свои руки в знак того, что он поможет своим детям во всех мирных начинаниях. Его присутствие никогда не упоминалось при обсуждении войн, потому что он хмурился на своих детей и пугал их своим ужасным видом.

Многие поколения жили и умирали, и все уважали соглашения, заключенные в присутствии духа мудрого сахема, ибо только спустя годы, когда краснокожие на опыте общения с белыми поняли значение нарушенного договора, они когда-либо нарушали договор, ратифицированный "трубкой мира".

ЛЕТАЮЩАЯ ГОЛОВА

Было много злых духов и ужасных чудовищ, которые прятались в горных пещерах, когда светило солнце, но выходили досаждать краснокожим, когда на землю обрушивались бури или когда в лесу царила темнота. Среди них была летающая голова, которая, когда касалась земли, была выше самого высокого человека. Она была покрыта густым волосяным покровом, защищавшим ее от ударов стрел. Лицо было очень темным и злым, испещренным крупными морщинами и ужасными бороздами. Из его боков торчали длинные черные крылья, и когда он пронесся по воздуху, жалобные звуки донеслись до ушей испуганных мужчин и женщин. На его нижней стороне были два длинных, острых когтя, которыми он разрывал пищу и нападал на своих жертв.

Летающая Голова появлялась чаще всего, чтобы напугать женщин и детей. Он прилетал ночью к домам вдов и сирот, бил своими разъяренными крыльями по стенам их домов и издавал страшные крики на незнакомом языке. Потом это прошло, а через несколько дней последовала смерть и забрала с собой одного из членов маленькой семьи. Девушка, которой явилась Летающая Голова, никогда не слышала слов ухаживания мужа или лепета папуасы, потому что на нее обрушилась чума, и вскоре она заболела и умерла.

Однажды ночью вдова сидела одна в своей хижине. Из небольшого костра, горевшего у двери, она часто вытаскивала жареные желуди и ела их на ужин. Она не видела Летящей Головы, ухмыляющейся ей с порога, потому что ее глаза были устремлены глубоко в угли, а мысли были заняты сценами счастья, в которых она жила до того, как ее муж и дети уехали в долгий дом.

Летающая Голова украдкой протянула один из своих длинных когтей, схватила несколько тлеющих углей и сунула их себе в рот, так как подумала, что именно их ест женщина. С воем боли он улетел, и с тех пор краснокожих никогда не беспокоили его визиты.

ЯСЕНЬ

Ясень, листья и кора которого были универсальным средством от яда гремучей змеи, произошел от воина, жена и двое детей которого умерли от укуса гремучей змеи, пробравшейся в их вигвам. Горе храбреца было таким сильным, что Великий Дух разрешил ему превратиться в дерево, из ветвей которого будут сделаны луки и стрелы, которыми его народ сможет убивать своих смертельных врагов; зеленые листья, положенные по кругу

вокруг спящих воинов, создадут барьер, через который не переползут рептилии; смятые листья будут действовать как припарка, выводящая яд из раны, а из коры можно будет приготовить отвар, который изгонит бред из тела страдающей жертвы.

Когда индейцы подходили к ясеню, чтобы воспользоваться его ресурсами для любой из названных целей, произносилась определенная форма слов. Они говорили: "О, мой брат, могучий друг индейца, твой краснокожий брат приходит к тебе за помощью. Он встретил раздвоенный язык, чей укус подобен жалю плохой стрелы. Он не знает, к кому обратиться, кроме как к своему благородному брату, доброта которого известна всем индейцам. Помоги мне, брат мой, ибо жало раздвоенного языка глубоко, и глаза твоего брата закроются во сне, если ты не поможешь ему. Я ранил тебя, брат мой, но мои отцы рассказывали мне о твоей доброте и о твоей ненависти к раздвоенному языку.

ОХОТНИК

КАНИСТАГИЮ, охотника, любили все животные с мягким характером. Он никогда не преследовал их безрассудно и никого не лишал жизни, за исключением случаев суровой необходимости. Для диких, свирепых чудовищ, населявших леса и охотившихся на слабых и робких, Канистагия был постоянным врагом, и так быстр был полет его стрелы, так силен удар его охотничьей дубинки, так безошибочно он узнавал их места обитания в горах, что они глубоко боялись его и прятались с тихим и угрюмым бормотанием, когда слышали его звонкий крик во время погони.

Это были пантера, волк, дикая кошка и другие странные и злобные животные, воевавшие с краснокожими.

Но это было не так с медведем, бобром, енотом, лосем, благородным оленем, лосихой, лисой, белкой и собакой. Они были друзьями Канистагии, и когда он выходил за границу, их приветствия освещали его путь, и он часто подолгу сидел в их компании и разговаривал с ними о любопытных вещах, найденных в их местах обитания. Он относился к ним как к друзьям и соседям, и когда кто-нибудь из них был болен или ранен, он давал им советы о лекарствах, которые они должны использовать, чтобы выздороветь.

Однажды, когда кукуруза была убрана, пришли свирепые и воинственные люди с севера, и Канистагия и его братья отправились защищать свои дома. Великий Дух придал их оружию силу, и свирепые люди были изгнаны. Но прежде чем они ушли, Канистагию ударил по голове боевой дубинкой один из северян, и когда охотник упал на землю, его победитель срезал прядь волос с его головы и с триумфом унес ее.

Охотники и воины не видели, как пал Канистагия, и оплакивали его как человека, которого взяли в плен свирепые люди, с которыми они сражались. Они знали, что он храбро встретит смерть и продолжит свой путь в Счастливые Охотничьи Угодья с улыбкой на губах,

и что морщинам труса не будет места на его лице. Но его падение не ускользнуло от зорких глаз лисы, которая подбежала к нему, когда дерущиеся скрылись.

"Увы! мой благодетель и брат, - сокрушался лис, - тяжелый сон навеки закрыл твои глаза. Твоя добрая жизнь была грубо вырвана из твоего тела прежде, чем предсмертная песнь успела предупредить твоих братьев о твоём приходе. Горе и печаль будут много дней сопровождать твоих братьев в лесу, если, возможно, никто из них не знает лекарства, которое пробудит тебя ото сна".

Тогда лис взбежал на вершину высокого холма и начал петь свой предсмертный плач, чтобы все знали, что на него обрушилась беда. По лесу разнеслось эхо скорбных звуков, и их подхватили и повторяли прислушивающиеся звери на холмах и в долине, пока все не услышали весть и не собрались у места, где лежало тело Канистагии, их брата. Когда они оплакали его судьбу, медведь призвал совет к тишине.

Сказал медведь: "Братья мои, мы скорбим по защитнику, с которым провели много приятных сезонов. Его мудрость и советы научили нас многим вещам, которые нам полезно было знать. Теперь наш долг, если кто-нибудь знает могущественное заклинание, которое пробудит его, произвести его, чтобы мы могли еще раз порадоваться улыбкам нашего брата".

Затем каждый из них забегал взад и вперед по лесу, принося охотнику множество любопытных веществ, но ни одно из них не принесло пользы. Медведь и лиса с жалобным скулением растянулись рядом с ним и нежно зализывали раны своего брата, но от их усилий не было видно никаких признаков жизни. Наконец они были вынуждены поверить, что Канистагия, несомненно, безжизненна, и сотни присутствующих животных подняли громкий траурный крик. Это привлекло внимание длинного гнезда (иволги), и он прилетел спросить, что это значит. Ему сообщил об этом олень, на рога которого он уселся, и, попросив разрешения у медведя пригласить птиц на скорбное сборище, быстро улетел выполнять свое поручение. Вскоре все птицы в лесу были оповещены, и небо потемнело от их полета к месту смерти Канистагии — так велика была слава охотника, что все знали его. Среди них был большой орел ирокезов, который редко приближался к земле ближе, чем к вершинам самых высоких гор. Он медленно парил над собравшимися птицами и животными и, наконец, расправил свои могучие крылья и встал рядом с охотником. Затем он заговорил:

"Канистагия пробудится от своего тяжелого сна, если зоркие глаза его друзей обнаружат прядь на его голове, и их быстрые ноги или неутомимые крылья перенесут ее сюда еще до того, как луна станет круглой".

Звери бросились на поиски, и только медведь и лось остались рядом со своим братом, чтобы охранять его тело от врагов. Долго и усердно искали они след воина, убившего их друга, но он так тщательно скрывал свой путь, что никто не мог пойти по нему. Бобр искал следы своих шагов в руслах ручьев; собака и лиса засовывали носы под листья и глубоко втягивали воздух, надеясь найти след убийцы; енот взбирался на вершины самых высоких деревьев и смотрел во все стороны; благородный олень бежал большими кругами, надеясь внезапно напасть на беглеца; белки и даже кролики разбегались во все стороны, тщетно выискивая следы убийцы Канистагии. Но наконец все вернулись и с тяжелым сердцем сообщили совету, что не знают, где искать.

Великий орел ирокезов приказал ястребу-голубятнику совершить первый полет за птицами, так как у него были быстрые крылья. Едва он ушел, как вернулся, но не принес

никаких вестей. Птицы зашептались, что его полет был таким быстрым, что он не присмотрелся внимательно, и орел выпустил белую цаплю. Но цапля так медленно летала, что всеобщее терпение лопнуло, и вскоре несколько маленьких птичек прилетели к совету с известием, что он обнаружил равнину, на которой в изобилии росли дикие бобы, и теперь так перегружен их поеданием, что не может подняться и улететь. Тогда ворон вышел вперед и сказал, что, если его пошлют, он поклянется найти место, где прячется убийца. Итак, ворона была послана и сразу же полетела в деревню, где он много раз бывал в поисках пищи. Он медленно проплыл над вигвамами на большой высоте, и наконец его зоркие глаза заметили желанное сокровище. Воспользовавшись случаем, ворон бросился вниз, сорвал прядь волос с шеста, на котором она висела, и быстро улетел обратно на совет.

Но когда они попытались надеть прядь волос на голову своего брата, то обнаружили, что прядь высохла и не подходит, и они долго и добросовестно искали что-нибудь, что сделало бы ее податливой. Но их поиски были напрасны, и в отчаянии они снова обратились к великому орлу, который услышал об их бедственном положении и велел им прислушаться к его словам:

"Крылья орла никогда не расправляются. В течение многих тысяч лун небесная роса падала мне на спину, когда я поднимался на огромные высоты над бурей и наблюдал за своей супругой в ее гнезде над облаками. Эти воды могут обладать свойствами, которыми не может обладать ни один земной источник".

Затем орел сорвал перо со своей груди и окунул его в блестящую чашечку с росой, упавшей ему на спину, и когда это перо приложили к пряди на голове, оно сразу же стало таким, как при первом снятии.

Снова животные побежали в лес и из каждого укромного места, из каждого глубокого оврага, с вершин холмов и гор, с холмиков и трясин приносили листья, соцветия и корни самых редких растений и деревьев. Птицы искали утесы и пропасти, где не могла остановиться нога, и пополнили коллекцию множеством любопытных и редких экземпляров. Из них они приготовили целебное снадобье, и когда они приложили его к голове охотника, его глаза открылись, и он ожил.

Тогда, действительно, наступило ликование. Птицы захлопали крыльями и запели громкими хорами, в то время как животные носились вокруг в диком восторге, потому что их брат был разбужен от своего тяжелого сна. Когда ирокезский орел снова взмыл к своему дому на вершине горы, круглая луна, прихода которой все так боялись, поднялась над колышущимися ветвями леса и озарила своим веселым светом счастливое сборище.

ГАЙАВАТА

СЛУШАЙТЕ, дети мои, пока огонь горит красным, а тени приходят и уходят, как могучие великаны, я расскажу вам историю о Та-рен-я-ва-гоне, владыке небес, который впоследствии стал смертным и получил имя Гайавата, мудрец.

Однажды до его ушей донесся громкий крик отчаяния, и когда он выглянул из-за входа в Счастливые Охотничьи Угодья, то увидел в лесу нескольких мужчин и женщин, стонущих от ужаса, потому что все их друзья были убиты могучими великанами и свирепыми чудовищами. Тогда он быстро поспешил им на помощь и, взяв маленькую девочку за руку, велел всем следовать туда, куда она вела. Тропами, известными только Та-рен-я-ва-гону, он привел их в пещеру недалеко от устья реки,^[1] и там он принес им еду и уложил спать.

^[1] Река Освего.

Когда они пробыли там много дней, Та-рен-я-ва-гон снова взял девушку за руку и повел ее навстречу восходящему солнцу, и те немногие люди, которые были спасены его милостью, с радостью последовали по указанному им пути. Наконец они пришли туда, где великая река^[2] по которой они шли, разлилась по могучим скалам до уровня другой реки,^[3] и здесь он велел им построить дом, в котором они могли бы жить в мире. Много лун они оставались там в счастье, и маленькие дети, которые приходили к ним, росли сильными мужчинами и красивыми женщинами. Тогда пришел Та-рен-я-ва-гон и сказал им:

[\[2\]](#) Река Мохок.

[\[3\]](#) Река Гудзон.

"Теперь вы, дети мои, должны выступить вперед и стать могущественными нациями; и я научу вас тайнам лесов и сделаю вашу численность подобной листьям, которые покрывают деревья, когда наступают теплые дни".

Затем они последовали за ним навстречу заходящему солнцу, и когда они отошли на некоторое расстояние, он назвал определенное число людей и семьи, которые должны построить свои дома и деревню в этом месте. Он дал им кукурузу, бобы, тыкву, картофель и табак, а также собак для охоты на дичь и назвал их Те-ха-вро-гах.[\[4\]](#) С того времени они не могли понимать своих братьев и с тех пор жили на берегах прекрасной реки.

[\[4\]](#) Разделенная речь; ирокезы.

Затем он пошел с остальными навстречу заходящему солнцу, пока, наконец, они не остановились в широкой долине, где текли прекрасные ручьи. И он велел некоторым из своих последователей остаться там, и дал те же добрые дары, которые он дал их братьям, и сказал им, что их следует называть Не-ха-вре-та-го,[\[5\]](#) ибо деревья в лесу, где он повелел им жить, были огромных размеров, и за короткое время они также научились говорить на новом языке.

[\[5\]](#) The Oneidas.

Затем Та-рен-я-ва-гон повел остальных своих людей вперед, навстречу заходящему солнцу, пока они не пришли к горе, которую он назвал О-нун-да-га-о-но-га.[\[6\]](#) Там он снова приказал некоторым из своих людей остаться, и он передал в их распоряжение те же дары, которые он доверил заботам других своих детей, и назвал их Се-э-но-ва-а-тах.[\[7\]](#) К ним он дал свой собственный язык.

[\[6\]](#) Онондага; на холмах.

[\[7\]](#) С названием; the Onondagas.

Многодневное путешествие к закату, недалеко от берегов озера под названием Го-йо-га,[\[8\]](#) он выбрал место обитания для других своих детей и велел им построить деревню и оставил их обеспеченными всеми хорошими вещами. Их он назвал Sho-ne-a-na-we-to-wah;[\[9\]](#) и их язык также был изменен.

[\[8\]](#) Гора, поднимающаяся из воды; Каюги.

[\[9\]](#) Люди великой трубы.

Затем с теми, кто остался, Та-рен-я-ва-гон продолжил путь к заходу солнца, пока они не пришли к горе возле озера под названием Га-нун-да-гва, [\[10\]](#) и здесь он сказал им, что они должны остановиться. И он дал им имя Те-хо-не-ной-хент,[\[11\]](#) и изменил их язык, как он сделал это с их братьями, и даровал им те же дары в качестве пищи.

[\[10\]](#) Канандайгуа; место, выбранное для поселения.

[\[11\]](#) Обладающий дверью; Сенеки.

Но были и такие, кто не захотел оставаться там, где повелел им жить владыка небес, и много дней убегал навстречу заходящему солнцу, пока не добрался до великой реки,

которую они пересекли по лозе дикого винограда. Но когда пересекали границу последние, лоза сломалась, и никто уже не смог вернуться.^[12]

^[12] Это относится к индейцам за Миссисипи.

Затем владыка небес уделил свое время обучению своих детей, и каждой семье он передал какой-нибудь особый навык. Сенека он наделил их силой быстрых ног, и вскоре они могли обогнать любое животное в лесу. Каюги научились управлять каноэ и скользили по воде быстрее, чем скользящие птицы или стремительная рыба. Онондаги были проинструктированы во всех законах и пожеланиях Великого Духа и обладали властью высказывать его мнение. Онейды стали искусны в изготовлении оружия, строительстве домов и плетении корзин. Могавков научили метко стрелять из лука, и они с удивительным мастерством ловили рыбу в ручьях.

Вы, дети мои, должны знать, что Та-рен-я-ва-гон, владыка небес, обладал способностью принимать любую форму и что он мог летать из одного места в другое, на большие расстояния, быстрее, чем большой орел. Он научил свой народ искусству охоты и садоводства; он изготавливал наконечники для стрел из кремня и направлял руки своих детей, пока они тоже не научились их делать; он обучал их военному искусству, чтобы они могли защищаться; он расчищал их ручьи от препятствий и указывал водный путь^[13] от восхода солнца до его заката. Он научил их, как выглядят ядовитые плоды и растения, давая им в пищу те, которые были полезными; он научил их убивать и разделывать дичь; освободил леса для охоты племен и дал им законы и предписания, которыми они должны руководствоваться при обращении как с молодыми, так и со старыми.

^[13] "Водный путь" пролегал вверх по реке Мохок до Рима, через короткий волок к Вуд-Крик, оттуда к озеру Онейда, вниз по реке Освегп до реки Сенека, а оттуда на запад через цепь озер во внутренних районах штата Нью-Йорк. Если путешествие должно было быть на дальний запад, река Освего впадала в озеро Онтарио, а оттуда через цепь великих озер.

Тогда Та-рен-я-ва-гон решил жить со своими детьми, принял облик мужчины и выбрал в жены девушку из племени онондага. Когда он сделал это, его называли Гайаватой. Его дом находился на берегу прекрасного озера,^[14] и к нему приходили многие краснокожие люди со своими женами и детьми, чтобы они могли научиться у мудрого Гайаваты, как следует вести свою жизнь. В его вигвам пришла также дочь, чья красота была подобна цветам, блестящим от ночной росы и поцелованным светом улыбающегося лица Великого Духа. Дочь звали Миннехаха.

^[14] Озеро Кросс, округ Каюга, Нью-Йорк. Индейцы указывают на очень романтическое и красивое место на южном берегу этого небольшого водоема как на место, где жил Гайавата.

Прошло много сезонов. Под руководством Гайаваты онондаги стали величайшей из всех наций. Мудрец приплыл на своем волшебном каноэ ослепительной белизны и присутствовал на всех их советах, и благодаря его мудрости и умеренности племя было сохранено от раздоров и стало передовым в искусстве и знаниях леса.

Но наконец с севера, из-за великих озер, пришла тревога, и у костров вигвамов со страхом рассказывали историю о безжалостном враге, пришедшем убивать и жечь. В ужасе вожди рассказали о своих страхах Гайавате, и он посоветовал им созвать совет всех племен в месте на берегу озера, где он однажды велел им разжечь большой костер для совещаний, чтобы они могли подготовиться к встрече со своими врагами. Быстрые бегуны отправились в деревни всех племен и вождей, и воины собрались в назначенном месте. Три дня они ожидали прихода Гайаваты, а утром четвертого раздался могучий крик, когда они увидели

его таинственное каноэ, скользящее по водам озера. На носу лодки сидела прекрасная Миннехаха, в то время как мудрец, ее отец, занимал место на корме и легким веслом направлял курс таинственного судна. У кромки воды его встретили передовые люди племен, и, поприветствовав их как братьев, каждого на своем языке, он вышел из каноэ и прошел небольшое расстояние вдоль берега. Внезапно послышался стремительный шум, как будто надвигалась ужасная буря, и когда все взоры обратились вверх, они увидели огромную птицу, спускающуюся с небес со скоростью стрелы. Только Гайавата и его дочь стояли неподвижно и безмятежно. Остальные в ужасе разбежались. Небесный гость опустился к ногам Гайаваты. Движимая какой-то невидимой силой, Миннехаха опустилась на колени у ног своего отца. Он на мгновение положил руки ей на голову, а затем она медленно поднялась, бросила один взгляд ему в лицо, нежно прошептала: "Прощай, отец мой!" - и заняла свое место между крыльями посланника Великого Духа. В тот же миг гигантская птица расправила крылья, собираясь взлететь над сверкающими водами озера, и, покружив над головами потрясенной толпы, быстро понесла свою ношу красоты к дому Манито.

Гайавата опустился на землю и накрыл голову одеянием пантеры. Трижды улыбающееся лицо Великого Духа пересекало небеса, прежде чем мудрец пошевелился или издал звук, и его краснокожие братья испугались, что он отправился в долгое путешествие и больше не сможет давать им советы. Наконец он снял траур, искупался в озере и попросил созвать совет. Когда все расселись в назначенном месте, Гайавата предстал перед ними и сказал:

"Дети мои, прислушайтесь к словам Гайаваты, ибо это последнее, что он скажет вам. Мое сердце бьется вместе с вашими, дети мои, но я не могу больше оставаться, чтобы сообщить вам волю Великого Духа.

"Дети мои, голос раздора вывел вас из домов, где вы так долго жили в мире. Вы дрожите за безопасность своих жен и малышей; вы боитесь, что ваша счастливая жизнь будет нарушена. У вас, представителей многих племен и деревень, есть один общий страх, и поэтому у вас должен быть один общий интерес. Поодиночке ни одно племя не сможет противостоять ордам севера, которые угрожают прийти подобно зимним штормам, разрушая и убивая все на своем пути. Разделившись, вы не сможете продвинуться вперед. Вы должны объединиться как одна общая группа братьев. У вас должен быть один голос, ибо многие языки создают путаницу. У вас должен быть один огонь, одна трубка, одна боевая дубинка. Если ваши воины объединятся, они смогут победить любого врага и защитить свои дома.

"Дети мои, слушайте, и Гайавата расскажет вам пумам о Великом Духе".

Он подал сигнал, и хранители огня вышли в центр места совета и объединили костры совета в один.^[15] Тогда Гайавата бросил на это табак и сказал:

^[15] Смотрите примечание к этой легенде.

"Онондага, вы - народ холмов, воинственный и могущественный. Ваша сила подобна силе огромного дерева, ветви которого выдерживают бурю, потому что его корни уходят глубоко в землю. Вы будете первой нацией.

"Онейда, вы - те люди, которые прислоняются своими телами к вечному камню, который невозможно сдвинуть с места.^[16] Вы будете второй нацией, потому что даете мудрые советы.

^[16] Очевидно, намек на пропасть Трентон-Фоллс, расположенную в Стране онейд.

"Сенека, ты - народ, который поселился у подножия великой горы и обитаешь в тени ее утесов. Вы будете третьей нацией, потому что вы быстроногие и очень одарены речью.

"Каюга, ты, чье жилище находится в темном лесу и чей дом повсюду из-за быстроты твоих каноэ, ты будешь четвертой нацией из-за твоей превосходной охотничьей ловкости.

"Могавки, вы - люди, которые живут на открытой местности и обладают большой мудростью. Вы будете пятой нацией, потому что лучше всех разбираетесь в выращивании кукурузы и бобов и строительстве хижин.

"Подобно пальцам на руке воина, каждый должен помогать другому и действовать в унисон. Тогда враги не потревожат и не подчинят вас.

"Дети мои, это слова Великого Духа, сказанные вам Гайаватой. Пусть они глубоко западут в ваши сердца и запомнятся. Когда снова взойдет солнце, я выслушаю твое решение. Я сделал.

На следующий день совет снова собрался, и мудрецы согласились, что Гайавата говорил хорошо и что они будут следовать его учению. Они попросили его стать их главным сахемом, но он сказал им, что не может, так как уезжает. Затем Гайавата подошел к тому месту, где отдыхала небесная птица, и собрал несколько белых перьев, упавших с ее крыльев. Их он раздал воинам в качестве эмблем, которые они должны были носить и по которым они должны были быть известны как члены племени ако-но-сю-не, которых называли ирокезами.^[17] Тогда Гайавата сказал им:

^[17] Последующие поколения носили перья белой цапли, максимально приближаясь к оперению небесной птицы.

"Вам, о, дети мои, запомните хорошенько слова Гайаваты. Вам, О! мои друзья и братья, будьте верны, помогая друг другу, когда может прийти опасность. Вспомните слова Великого Духа, которые были даны вам на протяжении многих лун. Не допускайте на свои советы людей из других племен, ибо они посеют среди вас семена зависти и беспокойства, и вы станете слабыми и поработченными.

"Друзья и братья, это последние слова, которые вы услышите из уст Гайаваты. Выберите самую мудрую девушку^[18] в ваших племенах, которая будет вашим миротворцем, и к вашим сахемам придет мудрость, чтобы сообщить ей о разногласиях, которые могут возникнуть между вами. Я сказал и теперь последую зову Великого Духа".

^[18] Смотрите легенду "Миротворец" и обратите внимание на нее.

В этот момент сладостные звуки музыки ворвались в уши слушающей толпы, подобно нежному голосу лета в ветвях сосен; они слышали их, но не знали, откуда они исходят. Мудрец выступил вперед, и когда он сел в таинственное каноэ, воздух наполнился музыкой, более прекрасной, чем когда-либо прежде слышали краснокожие люди. Но белоснежное каноэ не скользило по водам озера. Он медленно поднимался по мере того, как раздавалось хоровое пение, и, следуя направлению, выбранному небесной птицей, исчез среди летних облаков, когда мелодия смолкла.

МИРОТВОРЕЦ

КИЕНУКА, дом мира, был опустошен. Огонь из сосновых сучков, который много поколений горел в его камине, погас и промок. За его дверями не слышалось приветственных голосов. Его занавеси из шкур и одежд были разорваны и развязаны ветрами всех сезонов. Широкие тропы, ведущие от восхода солнца, заката солнца, путеводной звезды и летней земли, которые на протяжении многих сотен лун днем и ночью были вытоптаны ногами красных детей леса, когда они были в беде, в опасности, в нужде или в нужде, теперь были заросли терновником и чертополохом. Волчица выкормила своих детенышей на ложе Миротворца. Птицы без пения и с черным оперением строили свои гнезда и хрипло каркали своим птенцам на крыше дома мира.

В Киекуке пролилась кровь, и Великий Дух превратил дом мира в пустыню.

Когда мудрец Хиавата произносил последние слова своим детям, он велел им выбрать из своих племен девушку, обладающую мудростью, которая должна была стать их миротворцем. Итак, краснокожие построили дом, в котором должен был жить миротворец, и сделали двери с каждой стороны, чтобы путник мог войти и найти приют, откуда бы он ни пришел. Затем девушки из племен были собраны в месте совета, и им были представлены вопросы, вызывавшие споры между их братьями. Мудрецы решили, что та, кто примет наиболее справедливое решение по большинству вопросов, должна стать королевой-миротворцем и жить в построенной ими крепости. Так была выбрана королева, и когда Великий Дух призвал ее в вечный дом, ее оплакивали люди всех племен, и никто не входил в дом мира, пока не была выбрана ее преемница.

Так в дом мира пришла Дженетаска, девушка из племени сенека, чья мудрость и доброта были известны всем, а красота напоминала полное лето. Она была самой знаменитой из всех королев-миротворцев, и краснокожие говорили, что Миннехаха, дочь Хиаваты, часто спускалась с неба на спине небесной птицы и давала ей советы и наставления. Кто бы ни приходил к дверям дома мира с спорами, тот уходил оттуда, когда насыщался и отдыхал (), без гнева в сердце, потому что Женетаска успокаивала их своим нежным голосом. Больным и раненым она помогала лучшими лекарственными травами; тем, кто был охвачен страстью, она рассказывала истории о Великом Духе, которые учили их умеренности. Споры между племенами улаживались так, что охотники или воины, которые приходили в Киенаку с гневом и войной в сердцах, покидали его двери как братья.

Однажды в дом мира пришли два молодых вождя — один из племени онейда, а другой из племени онондага. Каждый из них утверждал, что именно его стрела нанесла смертельный удар могучему оленю, которого они преследовали в лесу. Когда они испытали свое мастерство в стрельбе из лука (), согласившись, что наиболее искусный из них должен получить убитое животное, ни один из них не смог одержать верх над другим. Тогда

онондага сказал: «Я сражусь с тобой, онейда, и тот, кто выживет, сможет унести в свою деревню могучего оленя и скальп своего врага».

Но Онейда ответил: «Ты, Онондага, должен помнить слова, которые были сказаны тебе стариками, слушавшими учения Хиаваты, что когда два охотника из Пяти Наций спорят на лесных тропах, они не должны сражаться, а должны рассказать о своем споре Миротворцу из племени Онондага. Онейда пойдет с тобой к Киеку».

Когда они поели и отдохнули в доме мира, охотникам было сказано, что каждый должен взять половину оленя обратно в свою деревню. «Ибо, — сказал Миротворец, — животное большое, и половины каждому хватит для его жены и детей».

«Онейда живет один в своем доме», — сказал вождь. «Я отнесу мясо старикам и женщинам, у которых нет сыновей. Онейда не видел девушки, которую он хотел бы взять в свой вигвам, пока не увидел Женетаску, Королеву Мира».

Тогда Онондага сказал: «Дом Онондаги опустел, поскольку чума лишила его любимых. Он великий вождь и имеет власть в своем племени, поскольку никогда не терпел поражения на охоте или в состязаниях. Но Миротворец ослабила его сердце, и он никогда не сможет снова стать сильным, если она не придет в его вигвам».

Тогда Дженетаска сказала: «Идите, братья мои, и не думайте больше о Королеве Мира, которая избрана племенами и не может быть женой никому. Ищите других девушек, которые с радостью станут вашими женами».

Но когда они ушли, в сердце Дженетаски больше не было мира, потому что перед ее глазами стояла фигура Онейды.

Когда наступила осень — когда ее первые краски коснулись лесов и лишь слегка окрасили темно-зеленый цвет в туманно-коричневый — вождь онейда пришел на закате солнца в дом мира и смело встал перед Миротворцем. Он сказал:

«Онейда построил вигвам в летней стране, куда Пять племен не хотят идти. Он наполнил его одеждами и запасся едой, и теперь он ждет прихода Дженетаски, девушки из племени сенека, которая любит Онейду. Племена выберут другую Королеву Мира, когда ты уйдешь, и твое сердце больше не будет отягощено бременями всех краснокожих детей, которые приходят к тебе со своими проблемами. Разве Женетаска не пойдет?»

Дева смело посмотрела в лицо своему возлюбленному и ответила: «Генетаска пойдет».

Они покинули Киенаку и направились к летней земле, а когда дошли до реки, быстро поплыли на каноэ онейда и навсегда исчезли из поля зрения своего народа.

* * *

Но дом мира был опустошен, и к его дверям в темноте прибежали два человека, чья злоба друг к другу долго питалась ревностью и ненавистью. Когда они не нашли Миротворца, их ярость стала неуправляемой, и они набросились друг на друга с охотничьими дубинами и сражались, пока не упали от изнеможения и не умерли на глазах друг у друга.

Дом мира был осквернен пролитием крови. С тех пор это место стало местом, которое все люди избегали.

НЕЗАЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ГОСТЬ

КОГДА морозы отступили с холмов, в одну из деревень краснокожих пришел мягкий и тихий старик, которого никто из них никогда раньше не видел. Он стоял рядом с полем, где молодые люди играли в свои игры, и когда некоторые отцы подошли, чтобы поприветствовать его в своей деревне и вигвамах, они увидели, что его тело покрыто язвами, и они придумали отговорки, чтобы уйти, чтобы не встретиться с ним. Когда никто не подошел к нему и не назвал его братом, он повернулся к деревне и медленно пошел от двери к двери вигвамов. Женщины увидели его и, когда он подошел к их дверям, закрыли лица своих детей, чтобы те не видели его черты, и в душе пожелали, чтобы он не входил. Когда маленький человек прочитал их мысли, с грустными глазами и тяжелыми шагами он отвернулся и пошел искать другое жилище, где он снова увидел, что его не ждут, и утомленные его шаги отвернулись от двери. Когда он посетил все вигвамы в деревне, не найдя ни в одном приюта (), он внезапно ушел в лес, и они больше его не видели.

На следующий день он появился в другой деревне, где тот же утомительный круг, что и накануне, не принес ему убежища. В течение многих дней после этого он ходил от деревни к деревне и, хотя ни с кем не разговаривал, знал, что их сердца не открыты для него и что они содрогаются при его появлении.

Наконец осталось посетить только две деревни, и он боялся, что не найдет никого, кто пригласил бы его в свой дом, чтобы удовлетворить его потребности. Однако, когда он подошел к скромной хижине, его глаза засияли, потому что он прочитал в сердце женщины, которая увидела его, что она сжалась над его бедственным положением и что ее гостеприимство преодолеет страх, который вызывал его вид. Женщина сказала:

«Добро пожаловать, брат мой, ибо ты чужой».

Тогда незнакомец сказал: «Мир дому моей сестры и счастье ее мужу».

Тогда женщина расстелила диван из мягких шкур в одной части вигвама и предложила незнакомцу лечь; а когда она это сделала, спросила его, чем она может ему помочь. Тогда незнакомец сказал:

«Слушай, сестра моя: ты, из всех представителей своего рода, прониклась состраданием и любовью к страдающему и одинокому существу, что побудило тебя приютить его в своем доме. Знайте же, сестра моя, что отныне ваше имя будет великим. Вам будут открыты многие чудеса, ваши сыновья станут вождями, а дочери — принцессами. Я — Кварара, и я несу вести от Великого Духа».

Затем Кварара описал женщине растение, которое она пошла искать в лес и принесла. Она вернулась в хижину и приготовила его, как он велел ей, и когда она дала его ему, он выздоровел от своей болезни, и язвы исчезли.

Кварара оставался в вигваме женщины много лун и наводил на себя всевозможные лихорадки, язвы и болезни, и для каждой из них он описывал лекарственный корень или траву, которые могли бы вылечить ее. Женщина находила их в лесу и приносила ему, а он объяснял, как их нужно приготовить, чтобы исполнить волю Великого Духа и победить злых духов и ведьм, которые мучили его народ.

Тогда странный человек, Кварара, сказал ей:

«Ты, о сестра, теперь знаешь, чему Великий Дух хочет, чтобы ты свободно учила его детей. Ты была терпеливой и доброй, и твое сердце наполнено мягкостью. Сыновья, которые родятся у тебя, будут называться Сагавас, целители, и ты и твоя семья будете помниться во всех поколениях».

Затем Кварара наложил на себя смертельную болезнь, от которой нет лекарства, и вернулся в свой дом к Великому Духу.

Фрагменты народного фольклора

ФРАГМЕНТЫ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

IRE считался великаном, который питался пигмеями или маленькими духами, существующими только в ветре. Процесс раздувания углей дыханием с целью разжечь огонь предпринимался только с большой опасностью, так как это было «очень плохой медициной».

Того, кто занимался какими-либо таинствами, нельзя было беспокоить или мешать, иначе его ждали страшные несчастья и подозрения всего племени. Люди могли задаваться вопросами, но ни в коем случае не должны были проявлять ни малейшего любопытства, чтобы узнать, что один из них пытается сделать своими экспериментами, заклинаниями или таинственными обрядами. Стрелы любопытного охотника никогда не попадали в цель, а кукуруза, посаженная и возделанная любопытной женщиной, давала только кривые и увядшие початки.

Солнце было широко известно как «улыбающееся лицо Великого Духа», и когда оно исчезало ночью, считалось, что оно вошло в дверь большого вигвама, построенного в форме полукруга. Утром оно появлялось снова у другой двери вигвама. Их представления об астрономии были чрезвычайно расплывчатыми и постоянно менялись. Луна считалась сестрой солнца и со временем могла давать столько же света, сколько ее брат. Звезды были яркими и светящимися огоньками, связанными ремешками и удерживаемыми духами, созданными для этой цели Великим Духом. Только одна звезда, Полярная звезда, удерживалась самим Великим Духом, потому что она всегда находилась на одном и том же месте. Ее называли путеводной звездой. Другие звезды и планеты имели названия, но эти названия не сохранились.

Источники и ручьи, которые они образовывали, были сначала созданы для удобства Великого Духа. Он желал покинуть Счастливые Охотничьи Угодья и совершить путешествие по земле, поэтому он послал большую белую птицу, чтобы она принесла воду из первоначального источника возле вигвама Великого Духа и разлила ее по земле на удобные расстояния. Участки страны, где не было источников, не были посещены Великим Духом.

Язык считался священным даром и был такой же частью тела, как голова или конечности. По этой причине индейцы никогда не говорили на языке другой нации, за исключением случаев, когда они выступали в качестве переводчиков. Когда между племенами проводился совет, ораторы вели дискуссию на своем языке, и слова, при необходимости, переводились по мере того, как они произносились, теми, кто был обучен для этой цели. Ирокезы считали, что говорить на любом языке, кроме своего собственного, — это величайшее оскорбление их предков и Великого Духа. Глухонемые среди них считались людьми, которые не были довольны языком своих отцов и в результате потеряли способность говорить или слышать.

Трудности и споры были злыми духами, которые летали вокруг, провоцируя беды. Когда споры и разногласия улаживались или разрешались, они возникали снова, если их не хоронили. Когда условия урегулирования были согласованы, по обычаю выкапывали яму в земле, вокруг которой собирались участники спора, и каждая сторона спора высказывала свои претензии в яму, полностью избавляясь от всего, что хотела сказать. Когда церемония заканчивалась, выкопанная земля возвращалась на место и плотно утрамбовывалась и уплотнялась. Считалось, что таким образом ссора может быть навсегда похоронена, если только одна из сторон церемонии не удалит землю и снова не откроет тюрьму злых духов. Из этого верования возник обычай «закапывать топор войны», когда мир был обеспечен, и выкапывать его, когда была решена война.

Северное сияние считалось отражением света костров в Счастливых охотничьих угодьях. Когда его свет был виден, предполагалось, что братья, ушедшие в будущее, радуются успешному завершению какой-то великой охоты или участвуют в пире. Размер костра, который мог излучать такой чудесный свет, был за пределами их понимания, и часто в песнях смерти воинов и вождей упоминалась их надежда вскоре оказаться рядом с костром, который был больше гор. Обычно они стояли под открытым небом и произносили длинные речи духам в то время, когда была видна полярная аврора. Они упрекали духов за расточительность в разведении такого большого костра и призывали их не сжигать все леса Великого Духа, пока их друзья на земле не будут допущены в чарующий круг и не получат разрешение наслаждаться удовольствиями костра таких гигантских размеров.

Было неправильно жаловаться на любую боль или каким-либо образом показывать, что испытываешь боль. И боль, и страдания были вызваны злыми духами, и, конечно же, никто не хотел доставлять своим врагам удовольствие, давая им понять, что их попытки каким-либо образом причинили дискомфорт. Великий Дух из всех сил пытался облегчить страдания тех, кто испытывал боль, и жаловаться, когда твой друг делал все возможное, чтобы помочь тебе, означало дать ему понять, что его усилия не были оценены по достоинству. Кроме того, после первого шока от ранения ни одно из животных не выдает своим криком наличие боли. Собака будет носить сломанную лапу в течение нескольких дней, с тоской, но без жалоб. Кошка, пораженная дубиной или камнем, или пойманная в какую-то ловушку, из которой она грызет путь к свободе, ползет в какое-то тайное место и молча терпит свою агонию. Волк или медведь, попавшие в ловушку и пронзенные десятками стрел, не показывают никаких внешних признаков страдания. Раненый олень мчится в густой кустарник и в жалком покорном ожидании ждет смерти. Орел, пораженный стрелой в полёте, до последнего борется со смертельным приговором. нет стонов или звуков боли, и вызывающий взгляд не исчезает из его глаз, пока веки не закрываются, чтобы больше никогда не открыться. Индейцы многому научились у животных и были научены быть такими же храбрыми и не жалующимися, как их братья из лесов.

Счастливые охотничьи угодья

СЧАСТЛИВЫЕ ОХОТНИЧЬИ УГОДЬЯ

Трудно определить вероучение народа ирокезов, поскольку оно было настолько переплетено с всевозможными странными суевериями, что его невозможно отнести к какой-либо единой доктрине, подобной религиям других народов. У них не было специальных учителей религии, и каждый член племени имел право добавлять столько суеверий, сколько мог придумать его ум. Таким образом, их религиозные верования были обременены почти всеми суевериями, которые могли возникнуть в умах невежественного и нецивилизованного народа, обитавшего в дикой местности, населенной многочисленными дикими зверями и подверженной бесспорному господству одиночества.

Однако, в целом, согласно объяснениям Корнплантера о своих верованиях, их религия рассматривала Бога как великого и любящего духа, чьи протянутые руки поддерживали и окружали вселенную. Они верили, что этот Великий Дух создал все объекты, как одушевленные, так и неодушевленные, на земле; что он улыбался своему народу в солнечный день и дождь, и хмурился на них в сильные бури и вихри. Он населил воздух миллионами воплощенных духов, некоторые из которых были злыми и, если их не умилощивляли, причиняли боль, болезни, беды и смерть. Другие были добрыми духами и помогали охотнику в его погоне, влюбленному в его ухаживании и приносили матери в объятия сына. Наконец, он приготовил для них «счастливую охотничью землю», куда каждый должен был отправиться после смерти. Там прекрасные птицы наполняли холмы и долины своим чарующим пением. Великий Дух покрыл эту обширную и великолепную страну равнинами, лесами и прозрачными ручьями, в которых и над которыми резвились красные олени, медведи, буйволы, дикие лошади и все животные и рыбы, полезные для одежды и пищи. Добрый индеец мог бы жить там вечно со своими женами и детьми, без усталости взбираясь на скалистые холмы (), играя в реках и озерах, которые никогда не переставали давать обильную рыбу, и всегда возвращаясь с охоты с трофеями, добытыми благодаря своему мастерству. Но плохой индеец возвращался с охоты с пустыми руками; он терял дорогу и блуждал в лабиринте красивых троп, которые вели его мимо полей с растущим кукурузой, которая исчезала, когда он пытался сорвать блестящие початки. Тогда его более удачливые братья сжалились над ним и привели его домой, и его наказанием было разочарование, которое он испытывал, когда по необходимости был вынужден принять участие в щедрости своего брата.

Вначале краснокожие жили с Великим Духом в этой прекрасной стране, но они были настолько шумными и игривыми, что Великий Дух не мог успокоиться из-за их шума. Кроме того, там не было злых духов и опасностей, и они не могли научиться быть храбрыми и мужественными, если не попадали в ситуации, где сталкивались с противостоянием и трудностями. Поэтому Великий Дух сделал большую корзину, в которую поместил краснокожих, тщательно прикрыв их, чтобы они не видели тропу, по которой он уносил их из своего дома. Он принес их на землю и оставил с обещанием, что когда они приобретут храбрость и осмотрительность, он снова перенесет их в свой дом, где они будут жить «столько лун, что все иголки на самой большой сосне не смогут их сосчитать».

Ирокезы не считали священным ни один день для проведения особых религиозных обрядов, но у них было несколько ежегодных праздников, которые отмечались с регулярностью на протяжении веков и которые в некоторой степени отмечаются в настоящее время так называемыми язычниками среди сенеков, онондагов и тускароров. Первым из них был «Кленовый танец», который символизировал их благодарность Великому Духу за то, что он смягчил ветер, чтобы снег исчез и сладкая вода потекла из боков кленовых деревьев, которые в изобилии росли в дикой местности вокруг их домов. Перед проведением этого и всех других праздников жители каждой деревни собирались в месте совета для того, что сегодня можно было бы назвать «исповедью грехов» — ведь именно этим оно и было. Когда все собирались, один из старейших вождей вставал перед своими братьями с ниткой белого вампума в руках и рассказывал, в чем он согрешил согласно индейской этике. Когда он заканчивал, вампум передавали другому, и так далее, пока все не избавлялись от своего груза. Открытое признание своих проступков не освобождало их от последствий самих поступков, но в некоторой степени смягчало наказание. Моральный кодекс можно кратко сформулировать следующим образом:

Грехом считалось пренебрегать стариками в любом виде или отказывать им в доле плодов охоты или урожая, а особенно грешным было пренебрегать или игнорировать престарелых или немощных родителей.

Смеяться или пренебрежительно отзываться о любом, кто был хромым, слепым, идиотом, сумасшедшим — калекой в любом смысле или несчастным в любой степени, или отказывать им в помощи или приюте.

Отказ делиться едой или приютом с кем-либо, кто мог бы попросить об этом, или не заботиться о больных, сиротах и вдовах.

Нарушать любой договор или соглашение, заключенное у костра совета, когда была выкурена трубка мира, или после того, как стороны, заключавшие договор, вместе поделились едой.

Нарушать целомудрие любой женщины.

Убивать животных для любых целей, кроме пропитания и одежды, а также для защиты растущих посевов и человеческой жизни.

Говорить неправду, даже если она самая невинная.

Проявлять трусость при встрече с любой опасностью или уклоняться от разоблачения, боли, страданий, болезни или смерти.

Лишать человека жизни, если только убитый не был членом племени, с которым ирокезы находились в состоянии войны.

За нарушение этих или других признанных законов не было предусмотрено никаких наказаний, но человек, совершивший более тяжкие грехи, по общему согласию и обычаю подвергался ostracism, презирался, позорился, игнорировался, указывался пальцем и исключался из всех связей со своим племенем и родственниками. Как правило, это приводило к самоубийству виновного (), которое считалось очень смелым поступком и полным возмещением за совершенные проступки.

Вскоре после «Кленовых танцев» проводился «Праздник посадки», который был благодарственной жертвой Великому Духу за то, что он раскрыл почки на деревьях, украсил леса и поля цветами и согрел землю, чтобы она могла принять и взрастить семена.

Когда семена были посажены и появились первые ростки кукурузы, проводился «Праздник надежды». В это время краснокожие, окружив пылающие костры, взывали к Великому Духу, чтобы он защитил семена, которым он дал жизнь, и попросили его довести их до зрелости. Они бросали в огонь листья табака и повторяли медленные, монотонные песнопения или молитвы, которые использовались ими на протяжении многих поколений. Они просили Великого Духа обратить внимание на их слова, поднимающиеся к нему в дыму, и не закрывать свои уши, чтобы он мог их услышать. Они говорили:

Твои дети благодарят тебя за жизнь, которую ты даровал мертвым семенам. Дай нам хороший сезон, чтобы наш урожай был обильным. Продолжай слушать, пока дым еще поднимается. Сохрани наших стариков среди нас и защити молодых. Помоги нам отпраздновать этот праздник, как делали это наши отцы.

«Праздник зеленого кукурузы» проводился, когда сезон продвинулся настолько, что кукуруза была готова к употреблению в виде жареных початков. Старухи решали, когда наступило это время, и никто не мог есть кукурузу, пока праздник не достиг соответствующей стадии. Это было время возвращения Великому Духу благодарности за его доброту, и празднества длились несколько дней. Конечно, они были дикими и грубыми, но участники верили, что эти церемонии угодны Великому Духу. Праздник проводился в установленной форме, которая, вероятно, не менялась веками. Во время одного из танцев, характерных для «Праздника зеленой кукурузы», старейший вождь племени произнес молитву благодарения, которая была переведена следующим образом:

Великий Дух в Счастливых Охотничьих Угодьях, услышь наши слова. Мы собрались, чтобы выполнить священный долг, как ты повелел, и который выполняли наши отцы с тех пор, как ты научил их отмечать этот праздник. Мы приветствуем тебя с благодарностью за то, что ты даровал нашим сторонникам обильный урожай.

Великий Дух, наши слова продолжают течь к Тебе, . Защити нас от всех опасностей. Защити наших стариков. Защити наших матерей. Защити наших воинов. Защити наших детей. Защити наших стариков, чтобы они могли помнить все, что Ты им сказал. Защити наших молодых людей и дай им силу с радостью праздновать Твой священный праздник.

Великий Дух, совет твоего народа, собравшийся здесь, мужчины и женщины с сединой на головах, сильные воины, женщины и дети, объединяют свои голоса, чтобы возблагодарить тебя.

«Праздник урожая» проводился через несколько недель и был похож по своему характеру, хотя и не считался столь важным, как «Праздник зеленого кукурузы».

Где-то зимой проводился «Танец белого пса». Однако этот праздник не имел столь древнего происхождения, как другие праздники, и, вероятно, был суеверием, распространенным некоторыми великими «знахарями» в течение последних двухсот пятидесяти лет. Злые духи, которые могли быть загнаны в дома индейцев холодом, с помощью различных церемоний побуждались войти в тело белой собаки или серой лисы, которую для этой цели водили от дома к дому. Затем, с соблюдением надлежащей церемонии, животное убивали, а злые духи кремировали вместе с телом — челюсти связывали вместе, чтобы духи не могли сбежать через рот, в который они вошли ().

У индейцев было множество других церемониальных танцев и любое количество социальных танцев — больше, чем у любой другой расы людей, поскольку у них было мало других развлечений, — но перечисленные выше были единственными строго религиозными праздниками. Они были во всех смыслах благоговейными, преданными и вдохновленными верой. Краснокожие верили, что если они будут соблюдать их в соответствии с древними обычаями и традициями, это угодит Великому Духу, и он в конце концов заберет их всех в Счастливые Охотничьи Угодья. Хотя они явно верили в бессмертную жизнь и воскресение тела, они совершенно не верили в будущее наказание, кроме того, которое испытывал охотник, чьи стрелы не могли добыть дичь, которую он жаждал, и который вечно бродил по земле, где дичь была в изобилии.

Если бы эти люди, обладавшие (как это было на самом деле) религией, сочетавшей в себе так много элементов христианской религии, были открыты какой-либо из просвещенных наций современности, а не нетерпимыми и жадными фанатиками четырехсотлетней

давности, их история не была бы написана с таким количеством печальных сцен в качестве иллюстраций.

Около 1800 года членам племени ирокезов, проживавшим в то время в штате Нью-Йорк, было открыто новое вероисповедание, и поскольку оно известно сегодня как языческое вероучение, было бы неплохо кратко его описать. В то время на острове Корнплантер в штате Пенсильвания жил сводный брат Корнплантера и Блэкснейка от общего отца — Абел, белый торговец. Его звали Красивое Озеро (Ga-ne-o-di-yo), он родился недалеко от деревни Эйвон, штат Нью-Йорк, в 1735 году и умер в 1815 году в Онондаге во время пастырского визита в эту страну. Он прожил жизнь, в основном, в разгуле, а в старости заболел и, по прогнозам, не должен был прожить и дня. Однажды ночью он послал свою дочь позвать своих знаменитых братьев к его постели, так как был убежден, что его конец близок. Его братья прибыли в дом вскоре после рассвета и нашли Красивого Озера в некотором удалении от хижины, по-видимому, мертвым. Они занесли его внутрь и начали готовиться к похоронам, когда он внезапно очнулся, сел и начал говорить очень странно. Он быстро поправился, и по его настоятельной просьбе был созван совет его народа в Корнплантере, и на этом собрании он рассказал все, что с ним произошло.

Его откровения вскоре стали религией ирокезов и могут считаться их вероучением в настоящее время. Красивое Озеро путешествовал от племени к племени и проповедовал новую веру до своей смерти, произошедшей пятнадцать лет спустя. Он считался вторым Хиаватой и имел огромное влияние. После его смерти другие учителя заняли его место и продолжали проповедовать новую веру, как можно точнее повторяя слова того, кому, как считалось, она была впервые открыта. В отличие от современных теологов, они не пытались ставить свои взгляды и идеи выше первоначального откровения, поскольку начинали каждый новый раздел длинного и утомительного рассказа словами «Так сказал Красивое Озеро» и следовали за ним как можно точнее, как в словах, так и в жестах. Они ничего не добавляли и не убавляли — они просто повторяли. Последним великим последователем Красивого Озера был его внук (Сасе-ха-ва), известный белым как Джимми Джонсон, который умер около 1830 года. Примерно в середине августа 1894 года в Онондаге был созван великий совет вождей, и по этому случаю эти традиции были возрождены, на что ушло несколько дней.

Без долгих объяснений о том, как было передано послание, и без подробностей о различных положениях и требованиях, вероучение Красивого Озера было следующим:

Когда он лежал в своей хижине, глядя в окно на звезды и ожидая смерти, к его ложу подошли три прекрасных мужчины и дали ему съесть ягоды, которые погрузили его в глубокий сон. Когда он проснулся, один из мужчин сказал ему, что он может жить, если до конца своих дней будет учителем своего народа и будет говорить им слова, которые Великий Дух вложил в его уста. Он пообещал сделать это, и Хэнсом Лейк () сразу же обрел силу. Затем мужчины вывели его на свежий воздух, где его нашли его братья, и показав ему много чудесных вещей, касающихся Счастливых охотничьих угодий, снова погрузили его в сон и исчезли. Когда он учил, он закрывал глаза и произносил только слова, вложенные в его уста Великим Духом; поэтому все, что он им говорил, было вдохновлено. Учения, изложенные им, не заменили ни одной из старых церемоний, столь дорогих сердцу ирокезов. Более того, он призывал соблюдать все религиозные танцы, говоря, что они угодны Создателю. Его первые усилия были направлены на искоренение пьянства, и здесь в

вероучение ирокезов вошла первая угроза будущего наказания. Пьянице обещали кипящий горячий спиртной напиток, который он должен был выпить в больших количествах. Когда он выпивал до тех пор, пока не мог больше, из его рта вырывались потоки огня, и ему приказывали петь, как он делал на земле после того, как выпил огненную воду. Мужья и жены, которые ссорились на земле, должны были быть вынуждены злиться друг на друга до тех пор, пока их глаза и языки не вытекали так далеко, что они не могли ни видеть, ни говорить. Женобийца будет снова и снова приводиться к раскаленной статуе, которую ему прикажут бить так же, как он бил свою жену на земле, и когда удар будет нанесен, из статуи будут лететь раскаленные искры и обжигать его руку до кости. Ленивые люди будут вынуждены возделывать кукурузные поля под палящим солнцем, и как только сорняки будут сбиты, они снова будут прорасти с новой силой. Те, кто продавал земли своего народа белым, были назначены на работу по удалению никогда не уменьшающейся кучи песка, по одному зернышку за раз, на огромное расстояние.

Это лишь некоторые из примеров ужасных наказаний, которые будут наложены на злодеев всех мастей.

В то же время он учил, что награды будут щедро дарованы тем, кто соблюдает законы, установленные Великим Духом, и в эти законы, открытые Красивым Озером, с множеством фантазийных и поэтических образов, которые нравились простым людям, которых он учил, он впледел Десять заповедей. Он учил нравственности, воздержанию, терпению, снисходительности, милосердию, прощению и всем основным добродетелям.

Красивый Озеро безоговорочно верил, что видение, которое он описал, было прямым посещением Создателя, и он также верил, что в своих учениях он просто озвучивал желания этого Создателя. Нет сомнений, что он оказал решающее влияние на благо, как и его последователи в течение многих лет после его смерти; но когда секты и конфессии начали сражаться друг с другом в своем рвении «христианизировать ирокезов» и выдвигали придирчивые теологические вопросы, чтобы запутать и сбить с толку учения пророка их собственной крови, индейцы начали сомневаться во всем, что им говорили в прошлом, и закрыли уши для всего, что им могли проповедовать в будущем. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время лишь немногие индейцы имеют обоснованные религиозные убеждения, однако, если бы они не боялись (), что это приведет к дальнейшим юридическим ограничениям, они были бы очень рады вернуться к свободному наслаждению учением Красивого Озера, их величайшего пророка.

Священный камень онейдов

Священный камень индейцев онейда

Нажмите на изображение, чтобы увеличить

СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ ОНЕЙДОВ

На кладбище Форест-Хилл в Утике, штат Нью-Йорк, недалеко от входа, можно увидеть, пожалуй, самую интересную историческую реликвию ирокезов — священный камень индейцев онейда. Легенда, связанная с этим памятником, столь же странна и поэтична, как и все другие, приведенные на предыдущих страницах, и, естественно, должна найти свое место в этом томе. Эта история была получена от индейцев покойным Уильямом Трейси перед их переселением в Грин-Бэй, штат Висконсин, и, как рассказывают он и современные писатели, она звучит следующим образом:

Два брата со своими семьями покинули онондагов и построили свои вигвамы на северном берегу реки Онейда, у выхода из озера с таким же названием. Они соблюдали обряды, предписанные Великим Духом, и он был доволен их послушанием. Однажды утром на месте их отдыха появился продолговатый камень, не похожий ни на один из камней в окрестностях (), и индейцам было сказано, что от него должно быть взято их имя и что он навсегда станет алтарем, вокруг которого будут проходить их советы, праздничные и религиозные церемонии, поскольку он будет следовать за ними, куда бы они ни пошли. Так они взяли себе имя «Люди Прямого Камня» и много лет жили рядом с этим алтарем. Но в конце концов они стали настолько многочисленными, что им не хватило места, и они построили свою главную деревню на южной стороне озера, где впадает в него ручей с таким же названием. Верный обещанию и без помощи человеческих рук, священный камень последовал за ними и снова оказался среди них.

Здесь онейды процветали до образования конфедерации ирокезов, и они стали вторыми по старшинству в конфедерации. Спустя много лет вожди народа решили перенести свой советский костер на вершину одного из холмов, расположенных примерно в двадцати милях от них, — на возвышенность, с которой открывается широкий вид на плодородную долину Стокбридж. И когда совет народа выбрал это новое место для своего народа, священный камень вновь последовал за своими детьми. Он покоился в роще ореховых деревьев, из-под ветвей которых открывался вид на пейзаж, не имеющий себе равных на всей территории их народа. Здесь он оставался, чтобы видеть, как ирокезы растут в силе и значении, пока их имя не стало вселять ужас в их врагов от Гудзона до Отца вод. Вокруг этого необтесанного алтаря, в его лиственном храме, собиралась вся мудрость народа, когда необходимо было обсудить меры, затрагивающие его благосостояние. Их красноречие, столь же эффективное и прекрасное, как и когда-то греческое или римское, изливалось на уши сынов и дочерей леса. Логан, друг белых людей, был обучен там произносить пламенные речи, и там Сконондоа, последний оратор своего племени, вождь воинов и скромный христианин, с несравненной силой влиял на сердца своих соотечественников; там отмечались священные обряды при возвращении каждой луны урожая и каждого нового года, когда все сыновья и дочери камня собирались, как древние еврейские племена, чтобы принять участие в национальных празднествах.

Это было место покоя камня, когда пришла первая весть о том, что бледнолицый пришел из-за горьких вод. Оставалось увидеть, как он проник в лес и пришел к его детям, как чужой человек (); увидеть, как краснокожие приветствовали его в своем доме, а затем увидеть, как

их краснокожие дети съежились и увяли, пока сыновья белого человека не вспахали поля, под лесным покровом которых спали многие поколения.

Наконец, костер совета онейдов погас; его народ рассеялся, и для них не было нового места, где этот палладиум мог бы найти пристанище и снова стать их алтарем. Он был чужим в древнем доме своих детей, изгнанником на своей собственной земле.

* * *

Некоторые попечители Ассоциации кладбища Форест-Хилл знали, что когда онейды переселились в Грин-Бэй и разорвали свои племенные связи, они очень не хотели оставлять свой алтарь без защиты, и когда весной 1849 года была образована ассоциация, была установлена переписка с некоторыми из главных вождей племени и проведены консультации с немногими оставшимися в окрестностях их старого дома. Они очень хотели, чтобы камень был защищен, и были рады перспективе его перемещения в какое-нибудь место, где он будет в безопасности от непредвиденных обстоятельств и опасностей, которым он мог подвергаться в частном владении, подверженном постоянной смене владельцев. С согласия владельца фермы, на которой он находился, огромный валун был осторожно погружен на повозку, запряженную четырьмя лошадьми, и осенью 1849 года в сопровождении делегации индейцев онейда и двух попечителей кладбищенской ассоциации с большим трудом был перевезен на его нынешнее место. Некоторые из тех, кто помнит это событие, рассказывают, что перед тем, как индейцы покинули кладбище, они собрались вокруг камня и проявили жалостные проявления скорби, некоторые из них преклонили колени рядом с валуном и поцеловали его.

Здесь этот массивный белый гранит, не похожий ни на один из камней или скал, которые можно найти к югу от северного склона Адирондакских гор или гранитных холмов Вермонта и Нью-Гэмпшира, пролежал на травянистом холме полвека. Его вес оценивается примерно в четыре тысячи фунтов. Весной 1902 года администрация кладбища распорядилась поместить его на основание из мрамора Вестерли, на одной стороне которого закреплена бронзовая табличка с надписью:

СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ ИНДЕЙЦЕВ ОНИДА

ЭТОТ КАМЕНЬ БЫЛ НАЦИОНАЛЬНЫМ АЛТАРЕМ
ИНДЕЙЦЕВ ОНЕЙДА, ВОКРУГ КОТОРОГО ОНИ СОБИРАЛИСЬ
ГОД ОТ ГОДА, ЧТОБЫ ПРАЗДНОВАТЬ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОЧИТАТЬ ВЕЛИКОГО
ДУХА.

ОНИ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ КАК ПЛЕМЯ
ПРЯМОГО КАМНЯ. ЭТА ЦЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БЫЛА ПРИВЕЗЕНА СЮДА ИЗ СТОКБРИДЖА,
Округ Мэдисон, штат Нью-Йорк, в 1849 году.

В течение первых двадцати пяти или тридцати лет после того, как священный камень был помещен на Форест-Хилл, его много раз посещали члены племени; и даже сейчас сотрудники кладбища время от времени видят фигуру индейца, проходящего по гравийной

дорожке и останавливающегося у этого единственного сохранившегося памятника исчезнувшей расы.

Приятно знать, что этот гранитный валун останется здесь навсегда, как памятник народу, прославившемуся своими дикими добродетелями и который когда-то был отнюдь не второстепенным участником некоторых волнующих эпизодов истории нашей страны; народа, который был счастлив в своих домах и любил эти плодородные холмы и долины так же, как мы их любим, но от чьей собственности и суверенитета, от чьей бурной жизни и бесспорного господства остался только этот безмолвный, без украшений памятник.

По правде говоря, можно сказать: «He-o-weh-go-gek» — когда-то дом, теперь воспоминание.

Примечания к легендам

ПРИМЕЧАНИЯ К ЛЕГЕНДАМ

КОНФЕДЕРАЦИЯ ИРОКЕЗОВ, стр. 23. — Когда европейцы открыли Северную Америку, они обнаружили, что часть континента, расположенная к востоку от линии, проходящей примерно на запад от города Кливленд, штат Огайо, и от Великих озер на севере до Чесапикского залива на юге, практически находилась под контролем конфедерации племен, которую французы в последующие годы называли ирокезами, а англичане — Пятью нациями. Эта конфедерация состояла из сенеков, могавков, онондагов, онейдов и кайюгов. В 1712 году тускароры, племя, ранее проживавшее в Северной Каролине, потерпело поражение в войне со своими белыми соседями, и около 1800 из них бежали в то, что сейчас является штатом Нью-Йорк, тогдашнее место проживания большинства ирокезов, и были приняты в конфедерацию. Новое племя не обладало энергией и мужеством своих союзников, и в течение нескольких лет после своего прибытия мужчины носили табачные мешочки женщин, тем самым признавая при всех случаях, что они уступают пяти другим народам, составлявшим союз, который стал их защитником. После прибытия тускарора конфедерация стала известна как Шесть индейских народов — название, которое в настоящее время часто используется в законодательстве по вопросам, касающимся индейцев штата Нью-Йорк.

Дата образования этой конфедерации так и не была установлена с какой-либо степенью достоверности, и все попытки закончились лишь догадками и предположениями. Наиболее достоверная традиция, опубликованная до сих пор, относит эту дату к 1589 году, но нет никаких достоверных доказательств того, что эта дата точна. Легенда о ее образовании,

опубликованная здесь (), основана не только на том, что Корнплантер считал достоверным источником, но и одобрена другим известным вождем сенеков, губернатором Блэкснейком (Племянником), который был современником Корнплантера и, вероятно, родился около 1736 года и умер в 1859 году, предположительно в возрасте ста двадцати трех лет. Оба вождя утверждали, что в молодости видели нитку вампума, на которой было указано, что конфедерация была образована во время полного солнечного затмения — «потемнения улыбающегося лица Великого Духа» — которое произошло, когда кукуруза получала последнюю обработку, задолго до событий, которые можно с уверенностью отнести к 1540 году.

Здесь уместно сказать, что индейцы обладали нитями вампума, на которых были запечатлены исторические события. Они были изготовлены из шкур некоторых животных и состояли из маленьких кусочков кости различной формы и цвета, маленьких камней и различных маленьких ракушек, перьев, а иногда и зубов или когтей животных. Их нанизывали на дубленую кожу, продевая в них отверстия и надежно связывая их сухожилиями. Некоторые члены племени были выбраны хранителями вампума, и их обязанностью было хранить в памяти все необходимые факты и связывать их с последовательными рядами и расположением камней, ракушек, перьев и т. д., чтобы их можно было легко вспомнить. На общих советах эти записи представлялись народу и торжественно разъяснялись. Поскольку эти люди обладали замечательной памятью, значение нитки вампума точно передавалось из поколения в поколение.

Место проведения совета, который сформировал конфедерацию, также было предметом некоторых споров, но можно с большой уверенностью сказать, что оно находилось недалеко от северного конца озера Сенека или Каюга и что оно состоялось в том году до 1540 года, когда произошло солнечное затмение в месяц, когда кукуруза получает последнюю обработку.

Профессор Льюис Свифт из обсерватории Уорнера в Рочестере любезно предоставил следующую таблицу дат:

Кольцевое затмение	11 октября 1520
Кольцевое затмение	8 мая 1491
Полное затмение	29 июля 1478
Полное затмение	28 июня 1451
Кольцевое затмение	26 апреля 1427

Первая дата, октябрь 1520 года, исключается, так как в это время года кукуруза уже была бы собрана.

Второе, в мае 1491 года, было бы слишком ранним сезоном, чтобы соответствовать условиям записи в вампуме, поскольку кукуруза вряд ли появилась бы над землей уже 8 мая.

Третья дата, конец июля 1478 года, также не подходит, поскольку в это время на кукурузе формировались початки, и растение уже прошло период обработки почвы.

Четвертая дата, 28 июня 1451 года, должна быть той, когда произошло объединение, поскольку в это время года кукуруза в центральной части штата Нью-Йорк уже готова к окончательной обработке.

Основываясь на авторитете этих двух вождей, нетрудно поверить, что эта дата является исторически верной и что событие, описанное в легенде, было поводом для образования этого замечательного союза республик. С точки зрения правительства, сформированного диким народом, конфедерация ирокезов, безусловно, была замечательным союзом. Если бы она не была разбита и уничтожена белыми после серии войн, длившихся более двух столетий и завершившихся великим походом Салливана по сжиганию деревень в 1779 году (), эта конфедерация достигла бы быстрого прогресса в цивилизации.

Только среди Пяти Наций можно найти индейцев, описанных в романах и стихах. Ирокезы выделяются среди всех других коренных жителей своим интеллектом, ораторским искусством, дружелюбием и характером. Если бы с ними обращались справедливо, если бы они не подвергались самым жестоким обидам и обманам, если бы их не довели до мести и, в конце концов, до безжалостного истребления, то страницы нашей истории, несомненно, запечатлели бы достижения этого народа, которыми могла бы гордиться любая нация.

ЛЕГЕНДА О РЕКЕ, стр. 47. — Эта история рассказывалась о реке и водопадах Дженеси и до сих пор иногда слышна среди старых сенеков. Говорят, что одна семья сенеков была категорически против подписания договора, по которому сдавали территорию, окружающую место действия этой легенды. Они утверждали, что являются потомками Тонадхавы и ее храброго спасителя, и верили, что духи их умерших предков часто посещают место их приключения и на этом месте вновь дают клятву верности. Нет сомнений, что эта история в основном правдива и что молодой индеец и девушка, которую он пытался спасти от воина другого племени, чудом остались живы после того, как их унесло в каное через водопад Дженеси. Эта легенда была изложена по-разному, и одна из версий гласила, что индейцы, жившие недалеко от Ниагарского водопада, были привыкли ежегодно приносить жертву духу водопада, отправляя самую красивую девушку племени в белом березовом каное, украшенном фруктами и цветами, в пропасть. Часто мужчины, родственники или возлюбленные, сопровождали или следовали за жертвами, которые были выбраны для этого жертвоприношения. Если это так, то, должно быть, это была практика какого-то другого племени, отличного от тех, которые составляли ирокезов, поскольку ирокезские племена не практиковали обычаи, требующие жертвования человеческой жизнью, если только жертвование не было добровольным.

ЛЕГЕНДЫ О КУКУРУЗЕ, стр. 51. — Кукуруза была основным продуктом питания индейцев, и поэтому существовало много легенд о ее происхождении. Две приведенные здесь легенды считались самыми древними. Индейцы твердо верили, что можно изменить свою форму, если только желающий изменения не был настолько несчастлив, что находился под влиянием какого-то злого духа, который из злобы препятствовал трансформации. Индианские женщины особенно гордились легендой, приписывающей происхождение кукурузы испуганной девушке, бежавшей от своего возлюбленного, и очень часто рассказывали ее своим дочерям, приукрашивая ее множеством экстравагантных деталей.

ПЕРВАЯ ЗИМА, стр. 55. — Индейцев учили никогда не говорить плохо о небесных телах или о творениях природы. Они не должны были жаловаться на яркий свет и жар солнца, чтобы

не ослепнуть, и не должны были жаловаться на облака, чтобы не оказаться запертыми в пещерах в горах, куда не проникает свет. К луне нужно было относиться с таким же уважением и вниманием, потому что те, кто говорил о ней что-либо плохое, подвергались смертельной опасности, поскольку на них могли упасть камни с неба. К самым сильным бурям, снегу, морозу или граду нужно было относиться с большим уважением. Те, кто жаловался на них, лишались защиты и не могли противостоять их натиску и суровости. Фактически, их учили «принимать горькое вместе со сладким», не кривляясь. Это обучение на протяжении многих поколений сделало народ холодным и стоическим, внешне безразличным к страданиям. Вероятно, они страдали так же, как и другие, но терпели это без признаков. Эта легенда была очень распространенной и часто рассказывалась молодежи, чтобы глубоко запечатлеть в них урок о том, что они никогда не должны противостоять Великому Духу или жаловаться на исполнение его законов.

История Ониаты, стр. 63. Корнплантер считал, что среди индейцев было много преданий, в которых так или иначе упоминались люди, описываемые как белые, и это было задолго до прихода европейцев. Одно из преданий гласило, что тысячи лет назад, далеко на юго-западе, жило племя индейцев, в котором родилось несколько детей, которые были «подобны Великому Духу, с лицами, как солнце». Говорили, что они были очень горды этим отличием и были великими воинами. Считалось, что они ушли на юг и в конце концов потерялись в горах. После прихода европейцев эта традиция возродилась, и всегда готовое к творчеству воображение индейцев добавило продолжение к исчезновению «белых индейцев». Они говорили, что белые пересекли горькое озеро (океан) и основали нации бледнолицых, а теперь возвращаются, чтобы завоевать и покорить своих предков. Корнплантер верил, что это был более древний континент и что индейцы были ближе всего к первоначальному творению. Он не верил, что эти традиционные белые люди были такими же белыми, как англичане. По его словам, они обладали всеми индейскими чертами, но имели светлую кожу и светлые волосы.

После того как этот том был подготовлен к публикации, автор нашел в западной газете сообщение о возвращении из Нью-Мексико некоего мистера Уильямсона, который провел несколько месяцев в отдаленном месте на этой территории среди индейцев моки. Мистер Уильямсон рассказал интересную историю о семье из этого племени, члены которой белые. Он видел этих людей и утверждает, что нет никаких сомнений в их цвете кожи. Он также говорит, что они, без сомнения, чистокровные индейцы и не имеют никаких признаков альбинизма, часто встречающихся среди негров. Эта семья широко известна среди самих индейцев, но, поскольку их место жительства находится на некотором расстоянии от обычных маршрутов, по которым путешествуют белые люди, их редко видят другие, кроме представителей той расы, к которой они принадлежат. Индейцы считают их чем-то более святым, чем остальные члены племени, и поэтому не говорят о них посторонним. Рассказчик утверждает, что глава семьи говорит, что среди них существует традиция, согласно которой они первоначально пришли с севера и поселились среди народа моки, где прожили так долго, что утратили все знания о северном племени и не были уверены, что теперь говорят на языке своих предков. Когда кто-либо из моки вступал в брак с членом этой семьи, их дети всегда были белыми. Это открытие, если оно верно, а причин сомневаться в его правдивости нет, интересно в данном контексте и может быть расценено некоторыми как доказательство утверждения о том, что около 400 года н. э. раса белых людей занимала территорию, граничащую с южными берегами Великих озер, и что они были изгнаны краснокожими, пришедшими с еще более севера. Конечно, это всего лишь предположение и, вероятно, останется тайной до конца света.

Покров коршуна, стр. 77. — Эта легенда о оперении коршуна часто рассказывалась индейцами, чтобы проиллюстрировать неудачу кого-то из их числа в браке или на охоте. «Мы носим перья индюка-коршуна», — сказал один из вождей сиу несколько лет назад, обращаясь с жалобой в комитет Конгресса. Немногие из тех, кто его слышал, поняли эту метафору, и было предположено, что он имел в виду простоту своей одежды () по сравнению с одеждой политиков, с которыми он встречался. Это выражение, исходящее от вождя сиу, доказывает, что по крайней мере некоторые из легенд, распространенных среди ирокезов несколько веков назад, можно проследить среди племен Запада в настоящее время. Белый человек, чтобы выразить то же самое, сказал бы: «Мы остались в накладе» или «В конце концов, у нас осталась только кривая палка».

Происхождение фиалки, стр. 81. — Индейское название фиалки — «запутанные головы». Это не одна из легенд, рассказанных Корнплантером. Ее рассказал автору индеец из племени сенека по имени Саймон Блэкчиф. Впоследствии подлинность легенды была подтверждена опросом других членов племени сенека.

Клан Черепях, стр. 85. — Из всех кланов, существовавших среди ирокезов, клан Черепях, вероятно, был самым уважаемым. Семьи, принадлежавшие к клану Черепях, были в действительности масонами тех времен, и им оказывались самые высокие почести. На совете у костра мудрость Черепях проявлялась в совете о единстве действий. Их мнения почти всегда принимались без обсуждения.

Целебные воды, стр. 89. — Индейцы на протяжении многих лет обладали знаниями о лечебных свойствах минеральных источников этой страны и почитали эти воды как высшее благо (). Их вера в них была настолько велика, что некоторые не колебались заявлять, что эти воды излечат все болезни. Еще одним источником, который они глубоко почитали, был нефтяной источник, расположенный в округе Аллегани, штат Нью-Йорк, недалеко от границы с Пенсильванией. Вода этого источника покрыта густой субстанцией, которую индейцы собирали, направляя воду в бассейны и снимая с поверхности плоскими камнями или ветками деревьев. Собранное таким образом масло использовалось для смешивания с различными веществами с целью получения боевой краски, но в основном — в качестве лечебной мази для различных ран. Индейцы знали о его существовании на протяжении многих веков, и летом редко проходило день, когда группы индейцев не собирались в этой местности, чтобы собрать масло, которое они выпаривали под воздействием солнца, а затем хранили в сосудах из сыромятной кожи или глины для будущего использования. Много лет назад источник и участок земли площадью в одну квадратную милю были выделены в качестве резервации, и до сих пор остаются таковыми. Любопытным фактом в этой связи является то, что масло из источника в сыром виде было вазелином, и то же самое вещество в настоящее время в больших количествах добывается из нефтяных скважин в этой местности.

«Посланники», стр. 119. — Вера индейцев в то, что эхо, которое они слышали в горах и лесах, было духами, повторяющими друг другу слова, произнесенные мужчинами и женщинами, пока эти слова не достигали самого Неба, слишком прекрасна, чтобы быть разрушенной холодными фактами науки. В их теории есть что-то, что очень сильно привлекает всех и заставляет нас желать, чтобы мы, как индейцы тысячу лет назад, могли верить, что наши молитвы, если их произносить смело, будут уловлены с наших губ ожидающими и слушающими духами и доставлены в «шатер Великого Духа».

Они обычно собирались у рек с высокими лесистыми берегами или искали ущелья с отвесными склонами, где эхо можно было слышать на многие километры, пока оно не затихало вдали. Здесь они стояли часами, крича и слушая, как эхо криков перескакивало с берега на берег, с холма на гору и с горы в долину — и так до тех пор, пока не затихало; всегда твердо веря, что слова передавались от одного верного духа другому, пока не доходили до ушей их любимых () и, наконец, до самого Великого Духа. Этот обычай практиковался среди сенеков менее ста лет назад, и сейчас еще живы люди, которые присутствовали при случаях, когда почти все племя участвовало в мероприятии такого рода. Эта вера, несомненно, была источником «крика смерти», который, как говорят, издают индейские воины, когда получают смертельные ранения на поле боя. Крик издается умирающим воином, чтобы друзья, которых он встретит на небесах, знали, что он отправился в долгое путешествие.

Охотник, стр. 129. — Эта легенда — одна из многих, рассказывающих о происхождении «лекарственного средства». Когда радость по поводу возвращения Канистаги к жизни улеглась, медведь и лиса отвели его в сторону и раскрыли секрет таинственного средства, которое исцелило его раненую голову после восстановления скальпа. «Индийские лекарства» всегда были окружены большой тайной и чем-то вроде суеверия, и в последние годы люди с энтузиазмом искали шарлатанские панацеи просто потому, что они были помечены индийскими названиями и приписывались индийскому происхождению. На самом деле индейцы были плохими врачами. Они знали о целебных свойствах кошачьей мяты, перечной мяты, полыни и нескольких простых трав подобного рода. Они знали, что лобелия действует как рвотное средство и выводит яды из желудка. Они обнаружили, что мазь, приготовленная из внутренней коры скользкого вяза () и бузины, лечит раны. Хотя у них было бесконечное множество так называемых «лекарств», их лечение в основном осуществлялось с помощью веры и хорошего здоровья, а также обильного употребления холодной воды. Большую часть своей жизни они проживали на открытом воздухе, и именно этому, а не их знаниям о лечении, можно приписать их долголетие.

Секрет их «великого лекарства» был известен лишь немногим, , и приведенная здесь формула была рассказана автору одним из старейшин Джиммерсонов, жителем резервации Сенека: каждый год перед наступлением морозов в одном из самых больших вигвамов проводилось собрание вождей. Те, кто имел право присутствовать на нем, не могли войти в вигвам до наступления темноты. Каждый приносил с собой несколько самых редких трав, корней, ветвей деревьев или фруктов, о которых он знал, и часто проделывал сотни миль в поисках какого-то особо редкого продукта. Их, вместе с несколькими простыми ароматными травами и определенным количеством сухого кукурузы и фасоли, растирали в кашицеобразную массу. Каждый из присутствующих принимал на себя образ какой-то птицы или животного, и часто они маскировались, чтобы сыграть свою роль. Между ними не было слов, но постоянно слышался шум, поскольку каждый издавал крики птицы или животного, которого он изображал. Один лаял как лиса, другой каркал как ворона, третий рычал как медведь, четвертый, пятый и шестой щебетали как белки, еноты или сурки. Еще один кричал, как ястреб, а остальные имитировали диких индюков, гусей, уток и т. д. Они работали быстро, потому что должны были завершить свою работу до рассвета. Если кто-то закрывал глаза во сне, это было верным признаком того, что на племя обрушится беда. С рассветом смесь разделили, аккуратно поместили в мешочки из кожи пантеры и унесли для будущего использования.

Способ применения был столь же любопытен, как и его изготовление. Воду черпали из проточного ручья в деревянный сосуд. Старались черпать по течению, а не против него.

Когда вода в сосуде становилась абсолютно спокойной, три небольшие порции порошка осторожно капали на ее поверхность в форме треугольника. Если порошок распространялся по поверхности воды, как это часто бывает с пылью, пациент поспешно проглатывал дозу и выздоравливал. Если порошок опускался на дно, не распространяясь по поверхности, знахарь быстро уходил со своим зельем, и никаких дальнейших попыток спасти жизнь пациента не предпринималось.

ХИАВАТА, стр. 137. — Эта версия Хиаваты максимально точно передает на английском языке легенду, рассказанную губернатором Блэкснейком (Племянником). Этот пожилой вождь племени сенека был современником Корнплантера и умер 26 декабря 1859 года в возрасте 117 или 120 лет. Он был очень умным человеком, обладавшим всеми благородными чертами своего народа и практически не имевшим низменных. Он пользовался доверием и уважением Вашингтона и до самой смерти носил на шее на ремешке серебряную медаль, подаренную ему Вашингтоном. Он также всегда носил с собой маленький кожаный мешочек с пропуском, написанным и подписанным собственноручно Вашингтоном.

Считается, что многим будет приятно прочитать в прозе прекрасную историю, которую Лонгфелло увековечил в стихах и в которую он вплел много других любопытных легенд, чтобы сделать рассказ полным. Считается, что приведенная здесь форма предания является самой чистой из существующих. Его рассказчик часто повторял ее собраниям сенеков вплоть до нескольких месяцев до своей смерти (), и приведенная здесь история точно соответствует тому, что было сказано самим Блэкснейком.

Это легендарное повествование о образовании конфедерации ирокезов существенно отличается от исторического описания, данного Корнплантером. Корнплантер верил в историю о Хиавате так же безоговорочно, как любой христианин верит в Библию. Но он сказал, что это произошло так много лет назад, когда все было духовным и сверхъестественным, что со временем Пять Наций стали рассматривать это как нечто, что не является для них обязательным. Постепенно они отдалились друг от друга и отдалились, и советский костер, разведенный и зажженный Хиаватой в то время, был оставлен погаснуть — то есть каждое племя проводило свой отдельный совет. После второго воссоединения племен (см. примечание и легенду «Конфедерация ирокезов») совет был вновь учрежден в Онондаге, и великий советский костер был вновь зажжен на месте, освященном присутствием их мудрейшего вождя. Интересно также отметить, что советы ирокезов проводились в Онондаге до 18 января 1777 года. В Войне за независимость могавки, онондаги, сенеки и кайуги поддерживали англичан. Могавки ушли в Канаду и не возвращались, за исключением как враги, до тех пор, пока не был объявлен мир, а другие племена оказывали англичанам большую помощь. Онейды и тускароры оставались нейтральными, но на самом деле помогали колонистам. 19 января 1777 года делегация индейцев онейда посетила форт Стэнвикс (ныне Рим) и сообщила командующему офицеру, что советский костер ирокезов в Онондаге был накануне потушен навсегда. Вероятно, старейшая конфедерация в мире умерла в самом начале американской независимости.

МИРОТВОРЕЦ, стр. 149. — Местонахождение этого «города-убежища», конечно, никогда не будет известно, и все, что можно сказать о нем, — это просто догадки. Разумно предположить, что он был расположен в некотором роде в центре, где было бы наиболее удобно для всех племен. Исходя из того факта, что Дженетаска и ее возлюбленный отправились на юг к реке и сели в каноэ, чтобы завершить свое свадебное путешествие, считается, что Киенака находилась в одной из трех долин в центральной части штата Нью-

Йорк, орошаемых соответственно реками Тиогниога, Ченанго или Унадилла. Говорят, что сбежавшая пара стала прародителями очень умного племени в Чесапикском заливе и, вероятно, добралась до своего дома по реке Саскуэханна. Элиас Джонсон, индеец из племени тускарора, дает несколько иную версию этой легенды () и говорит, что Киенака находилась в четырех милях к востоку от входа в ущелье Ниагара в Льюистоне. Хотя г-н Джонсон обладает обширными знаниями о древних легендах своего народа, вероятно, что он ошибся в определении местоположения дома мира. Место, которое он указывает, было бы явно несправедливым по отношению к могавкам и онейдам, и, действительно, оно было бы очень труднодоступным для всех племен, поскольку даже сенеки (самое западное племя) должны были бы проделать путь почти в сто миль, чтобы попасть в священные стены.

Где бы он ни находился, Киенака был настоящим «городом-убежищем». Его королева была избрана, как указано в легенде, и ее слово становилось законом. Обращаться с апелляцией было абсолютно невозможно. С тремя или четырьмя служанками, которые должны были быть пожилыми женщинами, она получала поддержку от всех племен, и в убежище хранилось большое количество еды для помощи тем, кто приходил туда в беде. Она должна была быть готова в любое время для тех, кто мог оказаться в нужде. Споры () не допускались в присутствии Миротворца и карались смертью, если о них сообщалось совету. Каждый, кто достигал очарованного круга, был в безопасности от преследований, пока Миротворец не выносил свой приговор. Если за какое-либо преступление беженец был признан виновным в преступлении, наказуемом смертью, его должны были увести подальше от дома мира, прежде чем приговор мог быть приведен в исполнение, поскольку пролитие крови в его пределах было строго запрещено. По этой причине, когда Дженетаска, забывшая свои обеты из-за любви к молодому Онейде, покинула Киенаку, он стал местом кровопролития, и впоследствии его стали избегать, проклинать и опустошать.

Прошло шестьсот лет после этого романтического события, прежде чем должность королевы-миротворца вновь была заполнена. Шок, который испытали индейцы от предательства такого высокого доверия, как « », возложенного на Женетаску, привел к тому, что они практически отменили этот почитаемый обычай. В 1878 году они удостоили этой чести Кэролайн Паркер, сестру генерала Илая С. Паркера, бывшего члена штаба генерала Гранта. Она проживала в резервации Тускарора, а впоследствии стала женой Джона Маунтплезанта. Она обладает уютным домом и умеренным состоянием. Это образованная и утонченная женщина, во всех отношениях идеальный миротворец. Ее дом всегда открыт для бедных, страдающих и нуждающихся; ее сердце трогает любое проявление страдания; ее здравый смысл и тонкое чувство делают ее ценным другом и советником.

НЕЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ, стр. 155. — Эта легенда была столь же распространена среди индейцев, как притчи о блудном сыне или добром самарянине среди христиан. Ее часто и очень впечатляюще рассказывали молодым людям, чтобы они усвоили ее урок: никогда не отказывать в приюте и гостеприимстве незнакомцу, каким бы он ни был, даже если он покрыт ужасными пузырями оспы, от которой, как предполагается, страдал посетитель в легенде. Если они откажут в приюте, то могут, сами того не подозревая, отвергнуть «хорошее лекарство». Это также одна из легенд, объясняющих происхождение знаний индейцев о лечебных свойствах растений и корней. К сожалению, имя благодетельницы их расы, фигурирующей в легенде, утрачено, но во всех племенах и кланах были известны Сагавахи, которые, как полагали, были ее потомками. Поскольку никто не мог попасть в Счастливые охотничьи угодья, кроме как через врата смерти, посланник Великого Духа, который перенес много страданий ради благополучия краснокожих, навлек на себя «смертельную болезнь» — туберкулез, от которой у индейцев не было лекарства.

Примечания транскрибатора

Предполагаемые опечатки были исправлены. Перенос слов был стандартизирован. Все изображения были взяты из Интернет-архива и находятся в общественном достоянии.

назад

назад